

Илья РАЙХ

ЖИЗНЬ
с переводом

Основан на реальных событиях

Илья Райх

Жизнь с переводом

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21182722

Жизнь с переводом: Издательство ИП Ракитская Э. Б.(R) «Э.РА»; М.;

2016

ISBN 978-5-00039-225-6

Аннотация

«– Нашу страну заселяет почти сто пятьдесят миллионов человек, и все они владеют русским языком...

– Yes, да, – кивал Джордж, но смотрел немного недоуменно, пытаясь понять, что ему хочет сказать молодой человек.

– Скажи честно, Джордж, ты завидуешь им, что все они – все сто пятьдесят миллионов – могут прочитать классиков русской литературы в подлиннике на русском?

– Да, да, yes...

– Это чувство сродни моему, я тоже завидую всем вам, только всему человечеству, каждому из шести миллиардов, всегда и постоянно, – что вы все, в отличие от меня, можете ходить на своих ногах. Вот такая у меня зависть каждый день, вот с чем я сталкиваюсь, когда вижу людей вокруг себя».

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	32
Глава пятая	37
Глава шестая	42
Глава седьмая	46
Глава восьмая	63
Глава девятая	76
Глава десятая	79
Глава одиннадцатая	83
Глава двенадцатая	87
Глава тринадцатая	94
Глава четырнадцатая	100
Глава пятнадцатая	104
Глава шестнадцатая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Илья Райх

Жизнь с переводом

© Райх И. 2016

* * *

Каждый человек на этом свете может похвастаться другом, друзьями или, в крайнем случае, сказать фразу: «У меня был друг». И часто корни дружбы уходят в детство или в период отрочества. Сюжет романа, основанный на реальных событиях, построен вокруг двух персонажей: Артура и его друга Федора, который лишен возможности перемещаться на своих ногах. Но Федор пытается быть как все, быть похожим на других, сравняться с возможностями здоровых детей, которые его окружают.

И это ему удастся...

«Я вынужден прыгать выше головы, только это позволит быть на равных со всеми вами...»

Руководитель одного крупного книгоиздательства, прочитав черновой вариант этого романа, охарактеризовал его как хоррор. Да, в книге есть элементы этого жанра, ведь именно в детстве страхи погружают в нас некую виртуальность, куда запрещен

вход взрослым. Правда, эти взрослые – прежде всего родители – иногда приходят на помощь детям, когда пытаются дать ответ на первые философские вопросы о жизни, защитить их от неосознанного страха перед будущим.

От автора

Часть первая

Я слишком меркантилен, чтобы разбрасываться друзьями

Глава первая

Первый день сентября для всех нас был большим праздником, не припомню, чтобы за одиннадцать лет, проведенных в школе, в этот день стояла пасмурная погода – всегда ярко и задорно светило солнце, – словно напутствие на новые подвиги на поприще знаний. Ты неторопливо собирал портфель, надевал только что купленную свежую форму, новые туфли, белую рубашку, которую вчера вечером погладила мама.

Каждый из нас шел в школу в надежде увидеть своих одноклассников, школьных товарищей, услышать от них невероятные истории, скопившиеся за лето. Учителя, пребывая в приподнятом настроении, в этот день не беспокоили нас, учеников, расспросами о выполненном домашнем задании, задиры не замечали тебя, никто никому не грубил, не обзывал. Вообще никто ни с кем в этот день не выяснял отношений, все и всё оставляли на потом, ведь впереди – девять месяцев учебы. Единственный учебный день, когда по-

ход в школу доставлял истинное удовольствие, и за которым следовали будничные дни тяжелого ученического труда, в преддверии невзрачной осени. С каждым последующим днем солнце светило все менее ярко, затухая под облаками небесной хляби.

Ясно помню тот день, когда нам впервые представили еще одного одноклассника. Среди новичков он был первым по счету и последним, больше в наш класс в этом учебном году никто не поступил. Рядом шло строительство нового жилого микрорайона, и каждый год все классы школы пополнялись новыми учениками. В возводимом микрорайоне уже был построен детский сад, спортивный клуб, большой продуктовый магазин, пара административных зданий, а вот школы не было. Именно поэтому новые ученики определялись во все близлежащие школы, в том числе и в нашу.

Нового ученика звали Федор. Его появление подпитало нас неким неиссякаемым зарядом любопытства. Федор был не таким, как все – он не пришёл, а приехал к нам. На инвалидной коляске. Для нас, двенадцатилетних, он показался инопланетянином, прилетевшим с другой планеты. Мы так его и прозвали, а он с благодарностью принял свою новую кличку, хотя всегда к нему обращались по имени. Вместо ног – колеса; хотя ноги у него и были, но не двигались.

При первой встрече он всем улыбнулся, с каждым из ребят поздоровался за руку. Мы не сильно пожимали ему руку, боялись раздавить, было чувство, что перед нами на

инвалидном кресле – человек-невидимка из романа фантаста Герберта Уэллса. Складывалось ощущение, что под его школьным костюмом ничего нет: ни тела, ни ног, хотя лицо было у него самым настоящим: яркое, улыбочливое, с чистым блеском глаз.

Он стал открытием школьного сезона, ребята из других классов тоже частенько заглядывали к нам, чтобы изучить пришельца. Это сбивало его с толку, было видно, что в эти минуты, когда на него смотрели любопытствующие глаза на ехидных глупых лицах, Федор немного терялся, становился замкнутым. В эти мгновения он корил себя, свою мать, весь свет, что он не похож на других, на всех нас. На тот момент мы и не догадывались, что творилось в его душе – осознание того, что происходило с ним тогда, пришло к нам чуть позже, когда детство постепенно сменилось юностью, а юность – приходом неумолимого взросления.

Наша школа стала для него второй по счету. До переезда в новый микрорайон он с мамой жил в коммуналке на другом конце города. Федор иногда сидел за партой, но чаще всего он располагался сбоку от какого-нибудь ряда, загородив путь к доске. Никто не корил его за это, наоборот, нам хотелось, чтобы он сидел там неподвижно, будто у него спустило колесо, и он не имеет возможности сдвинуть свою машину с места.

Я сидел на первой парте среднего ряда и делил ее с одноклассницей по имени Даша, старательной девочкой из ин-

теллигентной семьи. У нее на белобрысой голове всегда кружился бант, без него она в школу не ходила. Федор нередко располагался с моей стороны парты. С заданиями он всегда справлялся сам, помощи ни у кого не просил, соображал быстро.

Федор появлялся в школе не чаще одного раза в неделю, все остальное время он занимался дома. Учителя хоть и неохотно, но приходили к нему домой. Мы все ему завидовали и первое время избегали его. Говорили с ним осторожно, на любой его вопрос отвечали, но предательски сбегали из компании пришельца при первой же возможности. Но, в отличие от других ребят, обделенных судьбой, его никто не обижал.

Федор был единственным, кто перемещался по школе на инвалидной коляске, но были и те, кто просто имел с рождения какие-либо физические недостатки. Этим ребят часто обзывали, иногда даже били. Дети не любят тех, кто не похож на них, считают их чужаками. Так и Федор для нас стал чужаком и, хотя его никто не обзывал, все же находились те, кто без стеснения показывал на него пальцем. Мы вывозили его из класса, завозили обратно, иногда помогали ему добраться до крыльца школы, осторожно опускали по лестнице, где пандус был абсолютно непригоден для съезда инвалидной коляски. А на крыльце его встречала мама.

Глава вторая

Учительницу математики Надежду Васильевну никто не любил. Эта предпенсионного возраста женщина с поставленным командным голосом казалась нам чересчур заносчивой, требовательной. Ученики никогда не жалуют подобных учителей, они их ненавидят всем сердцем, искренне считают их источником всех своих школьных проблем и готовы валить на них все домашние неурядицы, когда родители начинают принимать жесткие меры за неуспеваемость.

Однажды, когда наш класс, состоящий из двадцати пяти учеников, решил устроить заговор против ненавистной учительницы, Федор неожиданно приехал в школу. Сегодня мы его не ждали – еще вчера он попрощался с нами, предупредив, что последующую неделю проведет дома. Задача немного усложнилась, так как весь класс горел желанием вместо урока математики пойти в кино. Но и оставлять Федора одного в классе было бы неправильно. Но он без раздумий поддержал наш порыв и присоединился к нашему, пока еще негласному, бунту.

Мы занесли его в автобус, который довез нас до нужной остановки. В кинотеатре Федор сложился со всеми на билеты, отдал все, что было в карманах. Он заплатил больше всех, на его деньги мы купили недостающие билеты да еще смогли наших девчонок угостить мороженым. После сеанса ре-

шили всем классом пойти пешком, поэтому каждый из нас поочередно толкал коляску Федора, в ответ он всех благодарил, подбадривал, рассказывал истории и приглашал в гости, заманивая нас компьютерными играми. В этот день мы стали ближе к нему. Нас объединил проступок, за который нас всех ждала кара.

Наш классный руководитель – Антонина Робертовна, седоволосая женщина с мягким голосом, весь следующий день сокрушалась из-за нашего коллективного прогула. Она причитала, называла нас негодниками, но все мы знали, что она уже завтра забудет о нашей выходке. Она слыла доброй женщиной, преподавала у нас русский язык и литературу, параллельно вела работу школьного музея.

А вот с Надеждой Васильевной все обстояло намного сложнее. С тревожным ожиданием мы пришли в ее класс – она лишь подняла голову на наши приветствия, ее бесчувственное каменное лицо говорило нам: «Готовьтесь, милые мои бунтари, я буду есть вас живьем». Когда она вышла, мы собрались в одну кучу, пытаясь выработать стратегию для оправдания. Но ни у кого ничего не шло, думалось плохо, что же говорить, если самая здравая мысль из всех предложенных – вновь пуститься в бега – была отвергнута без обсуждений и колебаний. Самая долгая пятнадцатиминутная перемена показалось нам самой короткой. Наше время подходило к концу.

После звонка на урок все мы замерли, считали секунды,

минуты, теща себя надеждой, что вот так в тиши отсидимся весь урок, что она про нас забыла, обиделась на нас до конца учебного года. Но все понапрасну – поняли мы, услышав ее шаги в коридоре. Тяжелые, уверенные, эхом отдававшиеся по всей школе. Теперь только мы и она, и больше никого на этом свете.

Открылась дверь, она вошла и взглядом хищника прошлась по всем рядам, выбирая свою первую жертву. Все мы, словно страусы, закопались, ушли под учебники. Надежда Васильевна никуда не торопилась, она открыла журнал, сделала первые пометки, по ее лицу нам было видно, как она намеренно откладывает «казнь», пребывая в предвкушении. Никто не хотел быть объектом публичной порки, но мы понимали, что кто-то один или двое примут за всех наказание в виде неудовлетворительной оценки на весь дневник – писать размашисто Надежда Васильевна умела.

Но мы просчитались и недооценили ее. Я впервые почувствовал, что месть может быть всеобъемлющей и охватить всех без исключения. Надежда Васильевна предстала перед нами вождем, развязавшим мировую войну, революцию, в которую вовлечены все массы без остатка – все мы, ученики пятого «А», а также наши родители.

В нашем классе училось пять круглых отличников, остальные ученики были на голову слабее их. Основу класса составляли твердые хорошисты, так называемый господствующий класс. Были и троечники, как и двоечники; двое

из их числа – Сергей Белозерчев по кличке Бес и Денис Худобаев по кличке Худо – состояли на учете в комиссии по делам несовершеннолетних. Они активно занимались спортом – греко-римской борьбой, участвовали в соревнованиях, но часто выступали в роли зачинщиков драк и выяснений отношений с ребятами из других классов.

Всех двоечников Надежда Васильевна отправила домой с записями в дневниках: их родители должны явиться в школу и, пока они не придут к ней на «поклон», она запрещает их чадам посещать свои уроки. Троечники получили задание – эти должны были решить десять уравнений. За оставшееся время сделать это было невозможно, оставалось не больше получаса. Хорошистам Надежда Васильевна тоже поручила нелегкое задание: они должны были решить задачи за последние четверти – упражнения с десятичными дробями, то есть то, чего мы пока не проходили. С отличниками она поступила еще жестче. Она раздала им упражнения за шестой класс – уравнения с раскрытием скобок, что для пятиклассников, пусть даже отличников, было непосильной задачей.

Одним словом, Надежда Васильевна всем дала понять, что в этой четверти никому не стоит ждать итоговых положительных оценок: отличники могли только надеяться на четверки, хорошисты на тройки, а все троечники и двоечники подпадали под угрозу остаться на второй год. Но всех успокаивало одно – это была первая четверть, и до конца года шансы исправить ситуацию все же имелись. Когда до окон-

чания урока оставалось не больше десяти минут, класс ожил, смирился с тем, что все попытки справиться с поставленными задачами уперлись в стену отсутствия знаний. Тяжело ориентироваться в будущем, если попадаешь туда, минуя настоящее.

Вдруг отворилась дверь, и в класс въехал Федор. Все смотрели на него с недоумением, он опять, как и вчера, приехал в школу неожиданно.

– Мама только сейчас смогла довести меня до школы, – объяснил он свое опоздание Надежде Васильевне, которая посмотрела на него безучастным взглядом.

– Ты можешь идти домой, – ответила она ему, – я приду к тебе завтра, и мы с тобой позанимаемся.

Надежда Васильевна не могла знать, что он тоже входил в число заговорщиков. А Федор замер, он смотрел на нас и с трудом понимал, что происходит.

– Федор, иди домой, – повелительно произнесла Надежда Васильевна.

– А можно я немного посижу с ребятами...

– Нет! – твердо ответила Надежда Васильевна.

– Ладно, – тихо сказал он и выехал из класса.

– Тебя мама ждет еще? – крикнула она ему вслед.

Но он уже не слышал.

– Артур, догони его и выясни, – попросила меня Надежда Васильевна.

Я вернулся быстро, Федор сказал мне, что за него беспо-

коиться не стоит. Мама ждала его неподалеку от школы, урок математики сегодня, как и в день побега, стоял в расписании последним.

Глава третья

Побег в кино дорого обошелся всем нам. Как и обещала Надежда Васильевна, по итогам первой четверти у нас в классе не осталось отличников, поубавилось хорошистов, появилась целая группа ребят, перед которыми маячила перспектива получить по итогам четверти за математику «неуд».

Федор приехал в школу за неделю до наступления каникул. Всем улыбался, пытался с каждым заговорить, но никто с ним толком не общался. Его никто ни в чем не винил, но, как и прежде, мы вновь стали избегать общения с ним. Все без исключения помогали ему перемещаться по школе, ему никто не отказывал в поддержке, ведь зачастую к ней призывали нас учителя. Все дело было в том, что он избежал кары, и это снова сделало его в наших глазах «чужим», не таким, как мы. Он опять превратился в инопланетянина, для которого не существовали земные законы.

Федор почувствовал нашу прохладу. В конце концов, он узнал причину – почему его все игнорируют. Об этом ему рассказала наша староста – Анна Антонова. Это было ее шагом отчаяния, она умела переживать за других ребят, всегда давала списывать неучам, вообще была девочкой отзывчивой. Поэтому мы избрали ее старостой класса, и она так никому и не уступила эту должность до самого окончания

школы. За эту самую отзывчивость все, любя, называли ее Антошей. После ее рассказа все думали, что Федор исчезнет из школы, в крайнем случае, покинет наш класс, перейдет в параллельный, но он, наоборот, всю неделю до наступления ноябрьских каникул упорно посещал занятия.

Настал день последнего в первой четверти урока математики, на котором ненавистная Надежда Васильевна должна была объявить нам итоговые оценки за четверть. У троих ребят выходили двойки: у Беса, у Худы и у Ролана Фазылова по кличке Фаза. Если двое первых усиленно занимались борьбой, то Ролан намеренно избегал спорта, хотя и обладал недюжинной силой – двух наших борцов он без проблем клал на лопатки. В нем чувствовалась невероятная физическая мощь от природы, и все старались избегать с ним недоброжелательного контакта.

Надежда Васильевна, как любая неудовлетворенная стерва – она никогда не была замужем и не имела детей – этот день восприняла как личный праздник. Она облачилась в черное бархатное платье, чем-то напоминающее вечерние наряды наших мам. Устроить моральную трепку, унижить беспомощных учеников – вот для чего, как нам казалось, она посещала школу. А сегодня настал особенный день, когда все мы без исключения были заранее записаны ею в неудачники.

Она написала на доске сегодняшнее число: «Первое ноября».

– Какой сегодня день?

– Сегодня последний день перед каникулами... – неуверенно ответил класс.

– Сегодня день экзекуции, – крикнул Ролан с места.

Надежда Васильевна усмехнулась:

– В чем-то ты прав, Ролан... Сегодня я расскажу вам о ваших оценках. Но скажу прямо: они неблагоприятные почти у всех.

Все мы знали об этом уже задолго до окончания четверти. Было тяжело наблюдать за отличницей Анфисой Жарковой. Этой девочке очень тяжело давались пятерки, но она старалась; когда мы злились на нее – окликали Ананасом, на что она очень обижалась. Она была единственной из класса, кто прилюдно зарыдал из-за четверки по математике, в отличие от других отличников, которые с достоинством приняли удар.

– Не надо распускать слезы, раньше надо было думать, – сделала замечание Анфисе Надежда Васильевна.

Она злорадствовала. Она смотрела на каждого ученика, когда громко называла его фамилию и соответствующую оценку, еще раз отмечая, какие мы бездарные и никудышные дети. Своим взглядом она укоряла не только нас, но и наших родителей, бабушек и дедушек, всех предков, которые давно канули в историю. Это был ее день, не наш. Только перед тем как назвать последнюю фамилию, она сделала паузу, притворно улыбнулась и громко произнесла:

– Федор Лучанов, у тебя, у единственного ученика – пятерка. Вот, ребята, с кого пример надо брать. Мальчик учится, старается. А вы...

Весь класс с ненавистью посмотрел на Федора, а он, чувствуя неловкость, виновато опустил голову. Он сидел рядом со мной, и в этот момент я намеренно отстранился от него.

Надежда Васильевна встала со стула, отошла к доске, повернулась спиной к классу. В этот момент мы все обомлели. Все платье было покрыто белыми изъеденными отверстиями, как будто его проела моль. При этом отверстия все увеличивались в размерах, все большие куски плотной ткани отслаивались, обнажая ее белье белого цвета. В классе поднялся смех, улюлюканье.

– Что вы смеетесь?! – недоуменно покосилась она на нас. Смех перешел в коллективный хохот.

– Дура, ты вся в дырках, – выкрикнул кто-то с задних рядов не своим, писклявым голосом.

– Кто это сказал?! – взвыла она.

Все уткнулись в свои учебники, но она видела, что мы продолжаем злорадствовать, еле сдерживая смех.

– Кто обозвал меня? Худобаев, встать! – закричала она на Дениса.

– Это не я! – замотал головой Худо.

Надежда Васильевна держала в руке указку и, если бы не коляска Федора, перегородившая проход, то в порыве гнева этот скипетр власти преподавателя, возможно, нашел бы го-

лову Дениса.

– Садись! – скомандовала она. – Белозерчев, ты?

– Нет, – твердо ответил Бес, не вставая с места.

Надежда Васильевна кипела, ее большое бледное лицо переполняли эмоции.

– Ролан! – истерично закричала она. Он был ее последним вариантом, больше в классе на такое никто не способен.

– Встань!

Фаза неохотно встал.

– Ты еще и не встаешь! – она направилась к нему, но неожиданно споткнулась и чуть не рухнула на Анфису Жаркову. Та только успела закрыть руками лицо, – перспектива быть раздавленной, да еще и перед каникулами, напугала ее. Но пронесло, Надежда Васильевна удержалась на ногах, только черная туфля слетела с ее ноги, скользнув под дальние парты, и никто не торопился достать ее.

– Ролан! – еще раз завопила она. – Достань туфлю, сейчас же!

Ролан не стал испытывать судьбу и полез под парту.

Но, как только она повернулась задом к классу, по нему вновь волною прошелся смех. Она запрокинула голову назад, прошлась рукой по своим ягодицам, и до нее дошло, что во время перемены кто-то подлил ей на стул кислоты. Она устремила взор на стул, подошла к нему, принялась и заорала так, что покачнулись стены:

– Кто это сделал?! Ублюдки!

В этот момент открылась дверь. Вошел директор. Он сразу заприметил потрепанный вид Надежды Васильевны, до которой только теперь дошло, что ее платье, колготки, нижнее белье безвозвратно растворились.

– Надежда Васильевна, с вами все в порядке? – спокойно спросил он, пытаясь погасить приступ гнева коллеги.

– У меня... у меня... – задыхалась она, – у меня ничего... ничего не... не...

– Успокойтесь! – поднял на нее голос директор.

– Что вы на меня кричите, Петр Евдокимович, вот... вот, посмотрите, что они... – Надежду Васильевну трясло, она повернулась спиной к директору.

Директор отпрянул, он, как и разгневанная Надежда Васильевна, покрылся красными пятнами, но, придя в себя, заявил ей то, что она никак не ожидала услышать:

– Как вам не стыдно?!

Надежда Васильевна обезумела, ее глаза горели, казалось, еще чуть-чуть – и она напустится с кулаками на своего начальника.

– Вы что! Вы, вы за... за... защищаете этих щенков?!

Тут до директора дошло, что он сильно ошибся:

– Ой, простите, не разобрал...

– Не разобрали!! – закричала она.

– Кто это сделал? – быстро переключился Петр Евдокимович на учащихся класса.

– Эти мерзавцы, эти сволочи... – вопила она.

– Так кто это сделал? Надо позвать классного руководителя, – сообразил директор.

Антонина Робертовна прибежала сразу – если зовет директор, значит, случилось что-то весьма неординарное. Первое, что она предложила – это вызвать скорую помощь. «Вы получили сильный ожог, вам нужен врач», – обратилась она к коллеге. В этот момент обезумевшее от ненависти лицо Надежды Васильевны перекопилось, мы впервые прочитали на нем страх, она зарыдала.

На удивление, карета скорой помощи подъехала быстро, врач, мужчина в очках, с пренебрежительной усмешкой на лице поставил диагноз: «Ожог». Мы победили, но победа оказалось пирровой. После того как нашу математичку увезли врачи, настал наш черед держать ответ.

В класс заявила завуч школы по воспитательной работе Таисия Венгеровна. Про эту хрупкую на вид женщину ходили легенды. Внешность была обманчива. Ее всегда кидали на амбразуру, она умела найти подход к несговорчивым родителям, которые были готовы закидать жалобами РОНО за просчеты в учебном процессе, найти общий язык с теми же ревизорами РОНО, если вдруг в школе находили нарушения норм воспитательной работы. В ней нуждались все, от учителей до директора. В своем кабинете, как рассказывали ученики старших классов, она устраивала длительные экзекуции слушникам. Непослушных учеников она поодиночке вызывала в свой кабинет, якобы раздевала их до трусов, ста-

вила в угол и все сорок пять минут урока заставляла читать что-нибудь из Пушкина. У нее на столе всегда лежал томик великого русского поэта. В дальнейшем самому яростному нарушителю дисциплины хватало ума не переступить черту.

Надежда Васильевна с ее публичным стращением на фоне завуча казалась безобидной девочкой. Первое, что сделала Таисия Венгеровна, это вежливо попросила удалиться директора и классного руководителя. Директор повиновался без возражения: «Ладно, вы тут разберитесь», – сказал он и быстро вышел. А наша мягкая и сердобольная Антонина Робертовна замерла у порога классного кабинета, она колебалась – хотя все мы и заслуживали кары, она знала, на что способна Таисия Венгеровна, поэтому не на шутку беспокоилась за нас.

– Антонина Робертовна, я обещаю, через полчаса я верну вам ваших учеников! – И завуч захлопнула дверь перед ее носом. Мы лишились единственного заступника.

– Ну что, мальчики и девочки... – произнесла она с особым удовлетворением, подчеркивая, что настал момент расплаты. Ее зловещая улыбка растянулась на все ее узкое лицо. Худая, небольшого роста женщина с тощими морщинистыми руками решительно смотрела на нас. Так драматично мы на каникулы еще не уходили.

Завуч попросила встать старосту. Анна Антонова встала со стула.

– Какая симпатичная девочка, – комплимент звучал со

зловещей предосторожностью. – Подойди ко мне, встань рядом.

Анна подошла, встала рядом и опустила глаза.

– Скажи мне, дитя, у кого из класса самые большие проблемы с математикой?

Анна подняла взгляд, посмотрела недоуменно, пожала плечами.

– Ты не знаешь? Значит, ты плохо справляешься с обязанностями старосты, если не знаешь, у кого проблемы с учебой, – упрекнула она Анну. Та покраснела, было видно, как она вспыхнула, глаза налились слезами, но Антоша держалась.

Таисия Венгеровна подошла к столу, сделала паузу, но на уже высохший стул Надежды Васильевны сесть не рискнула. Открыв журнал, она громко произнесла фамилию: «Худобаев». Он встал, она скомандовала ему: «Принеси мне свой стул». Денис нес его без охоты, перед ним сидел Федор, которому пришлось отъехать вперед к доске, чтобы пропустить одноклассника. Денис поставил стул перед завучем, на что она еще раз громко скомандовала: «Поставь к столу, а тот можешь взять себе». Денис вернулся на свое место, но присел на пустующий стул с соседнего ряда.

– Я не разрешала тебе садиться, встань, – опять обратилась Таисия Венгеровна к нему.

Денис встал, но на его лице, как и на лицах Белозерчева и Фазылова, которым она приказала встать следом, не было

страха, вся троица пребывала в индифферентном состоянии. Она подошла к ним, попросила открыть портфели.

– Показывайте, что у вас там, давайте, выворачивайте все наизнанку!

Из портфелей посыпались учебники, тетради, ручки, карандаши, всякие безделушки...

– Это что? – спросила она у Ролана, взяв в руки рогатку.

– Так...

– Это я конфискую.

Она заглянула под парту Ролана, приказала вывернуть карманы. Кроме огрызков помятых бумаг и начатой упаковки жевательной резинки она ничего не обнаружила. Двое других тоже успели вывернуть карманы, ожидая своей очереди. Но завуч остановилась, она не могла не заметить, что эта троица из числа трудновоспитуемых детей проявляла ко всему происходящему полную безучастность. Значит, это не они.

– Возможно, я ошиблась, – признала свою ошибку Таисия Венгеровна.

Это означало одно: поиски одноклассника или одноклассницы, по чьей вине Надежда Васильевна загремела в больницу, продолжатся.

– Но я обещаю, вы не выйдете отсюда, пока я не найду виновного. Или вы сами скажете, кто это сделал, или этот негодяй должен встать и сознаться.

– И ему ничего не будет? – с умилением в голосе произнес

Ролан.

По классу прошелся легкий смешок.

– Нет, но это зачтется при выборе наказания.

У всех в классе пронеслись в голове байки бывалых о чтении Пушкина, которого мы еще не успели изучить, но уже возненавидели. Школа умеет прививать детям неприятие классической литературы.

Таисия Венгеровна подошла к учительскому столу. Перед тем как сесть на стул, она осторожным взглядом осмотрела его. После перевела свой цепкий взгляд на классный журнал, с любопытствующим лицом пролистала несколько страниц, тщательно изучив успеваемость взбунтовавшего класса по другим предметам. Настал черед тихих троечников, хорошистов. Но мы ошибались, не зря про ее коварство ходили легенды.

– Антонова, Белобородов, Жаркова, Куприянова и Мустаев, встаньте, – скомандовала она.

Она перечислила отличников, мы не ожидали, что следующими станут именно они, лицо и гордость класса, школы, участники городских и республиканских олимпиад, классные и школьные активисты.

Класс удивленно смотрел на них, но Таисия Венгеровна знала, что делала. Она не могла быть осведомлена о каждом отличнике в школе, поэтому, сопоставив оценки по другим предметам, сделала для себя вывод, что именно по математике у этих пятерых, стабильно учившихся на «отлично», не

выходят необходимые им пятерки. Они больше всех пострадали от ответных мер Надежды Васильевны. А о том, что класс прогулял ее урок, зауч по воспитательной работе была чересчур осведомлена, но не вмешивалась в ситуацию до сего момента, так как недолюбливала прямолинейную Надежду Васильевну – две стервы с трудом уживались в одном педагогическом коллективе.

Но теперь Таисия Венгеровна посчитала, что вызов брошен ей лично, ведь ученики класса не собирались сдаваться без боя, все молчали, хоть и испытывали страх, который в этот момент объединял всех без исключения. Отличники плечом к плечу стояли с двоечниками, ребята, которых всегда ставили за отличное поведение в пример нерадивым ученикам, уравнились с ними в правах. Теперь они также не имели права на ошибку, за которой последовал бы вызов в школу родителей и исключение со школьной «доски почета».

Если Равиль Мустаев иногда и участвовал в заварушках на переменах, то Павел Белобородов вообще являлся образцом для учеников школы. Правильное, серьезное лицо, учился только на «отлично». Даже когда все решили пойти в кино вместо урока математики, он долго и упорно отговаривал класс от недальновидного поступка, но в итоге пошел со всеми, так как не хотел выглядеть в глазах всего класса «белой вороной». Одним словом – человек будущего.

Антоша, которую на какое-то время Таисия Венгеровна

оставила без внимания, проявила поползновения подойти к своему месту. Но была одернута завучем: «Анна, милая моя, встань на место, я верю, что это не ты». Другие отличники выворачивали карманы, высыпали содержимое своих ранцев на парты. Первым управился Равиль. Таисия Венгеровна без особого интереса рассмотрела его вещи – у отличников ничего лишнего, только аккуратно сложенные тетради и учебники – потом приказала сложить их обратно в портфель, даже не заглянув под его парту.

То же самое проделал Павел, сидевший на первом ряду на второй парте, следом за Равилем. Его лицо покрылось багровыми пятнами. Такого морального унижения он еще не испытывал, он представить не мог, что его, вот так, как самого отъявленного бездаря будут «раздевать» на глазах всего класса. Ему казалось, что его авторитет рухнул, карьера отличника подошла к концу... что он скажет дома родителям! Одно дело – четверка, другое – публичная экзекуция на глазах класса, и главное – он не желал сливаться с безликой толпой, он привык быть первым во всем и всегда считал себя выше других. «Вся жизнь наперекосяк», – думал он, когда неохотно выворачивал карманы брюк под неусыпным взором Таисии Венгеровны.

Слезы подступили к глазам, вот-вот польются безудержным потоком, рванут во все стороны... Но плакать нельзя, нужно выдержать. Мальчик не должен рыдать на глазах всего класса. Такого позора он точно не смог бы вынести.

– Ты еще и рыдаешь? – процедила Таисия Венгеровна. – Дома будешь плакать, – с укором произнесла она. Она смотрела в сторону Павла, тот опустил глаза, первая соленая слеза предательски скатилась по щеке.

Таисия Венгеровна двинулась в его сторону, но прошла мимо него – она обращалась не к Павлу, а к Анфисе Жарковой, которая сидела на среднем ряду за второй партой. Девочка зарыдала, поочередно вынимая дрожащими руками предметы из ранца.

– Быстрее, быстрее! – громко и твердо скомандовала Таисия Венгеровна. От голоса завуча у Анфисы руки затряслись еще сильнее. Выпал пенал, посыпались тетради...

Вдруг прозвенел звонок, класс выдохнул.

– Рано радуетесь, – отреагировала Таисия Венгеровна, – я никого не отпускала. Я же сказала вам: вы не выйдете из класса, пока я не закончу.

Так она сбила наш порыв к свободе, когда многие уже начали собирать вещи с парт в тяжелые портфели. А за дверью поднялся веселый гомон, все спешили домой, радуясь наступившим каникулам.

– Анфиса, ну, давай смелей, что там еще у тебя осталось! – Таисия Венгеровна попыталась заглянуть ей в ранец.

– Это я сделал! – послышался голос за спиной Таисии Венгеровны.

– Что?! – она повернулась.

Класс встрепенулся.

– Что? – повторила Таисия Венгеровна, она с удивлением, как и весь класс, взглянула на Федора.

– Это сделал я, – волнуясь, повторил Федор.

– Ты?! – все сильнее удивлялась Таисия Венгеровна.

– Да, да, я, – дрожащим голосом отвечал Федор.

Завуч обошла ряд, подошла к нему и с усмешкой на лице произнесла:

– Ты хоть понимаешь, что ты наделал?

– Да, да, я же говорю, что это сделал я, – Федор бесстрашно смотрел ей в глаза.

Самое удивительное было то, что своим взглядом завуч по воспитательной работе не выражала ни гнева, ни ненависти. Зато самодовольная улыбка явно означала: «Я же говорила, что обличу негодника». Другой вопрос, что на роль негодника Федор никак не подходил. Но цель была достигнута, и было уже неважно, взял ли Федор на себя чью-то вину или нет, ведь учителя редко находят истину. Если бы Таисия Венгеровна не добилась своего, она все равно нашла бы выход, назначив виновного на свое усмотрение. Учитель в школе, как и судья, обладает редким правом – определять виновного.

Поступок Федора с трудом укладывался в моей голове, я не верил, что именно он залил кислотой стул Надежде Васильевне. Он был единственный, кого миновала кара математички, мало того, Надежда Васильевна постоянно, без длительных перерывов посещала его на дому. Остальные учителя из школы не могли похвастаться таким постоянством.

– Федор! – вскричала завуч, чтобы хоть как-то проявить строгость к мальчику-инвалиду. – Сегодня же придешь с мамой в школу!

– Она на работе, – уверенным голосом ответил Федор. Он хорошо держался.

– Ничего, мы ее вызовем с работы, – отреагировала Таисия Венгеровна и вышла из класса.

Мы тихонько упаковывали свои вещи. Один Федор сидел неподвижно. Мы все подглядывали за ним, также осторожно, когда увидели его в первый раз. Он не переставал нас удивлять.

К нему подошел Ролан и предложил довести его до дома. К ним присоединился Худо и Бес, – те ребята, которые в отличие от нас были свободны, которые никогда не заискивали перед учителями, ведь им не нужны были правильные оценки за учебу, за поведение. Они жили своей жизнью и редко замечали взрослых.

Глава четвертая

Началась новая четверть, новые будни. Дни стали короче, утренними сумерками мы пробирались по замерзшим дорожкам в направлении школы. Ноги скользили по ним, и однажды, не рассчитав свои силы, я даже навернулся и распластался на дороге, вызвав неподдельный смех у Анфисы Жарковой. Она жила в соседнем доме, и мы нередко встречались по пути в школу. Снега было немного, он выпадал небольшими порциями, но все пребывали в ожидании грандиозного снегопада. Большой снег всегда служил предвестником любимого праздника – Нового года. Но времени до всеобъемлющего торжества, зимних каникул и новогоднего пиршества в кругу родителей было еще предостаточно.

Про инцидент с Надеждой Васильевной никто в классе не вспоминал. Ребята иногда перешёптывались о ней, обсуждали слухи, урывками доходившие до нас. Одни утверждали, что она все еще лежит в больнице, что она больше никогда не сможет сидеть. Другие говорили, что она не может ходить, и что ее отправили на пенсию из-за полученной инвалидности.

От таких слухов у нас проснулось сочувствие к ненавистной учительнице, но одного мы не желали точно – ее скорейшего возвращения в школу. Математику вместо нее преподавала нам Галина Сергеевна, спокойная учительница, явная противоположность Надежде Васильевне. Она не донимала

нас чересчур объемными заданиями на дом, всегда натягивала оценку, будь то пятерка или четверка, а двоек вообще никому не ставила. Даже Ролан, который никогда не утруждал себя занятиями, превратился у нее в «хорошиста».

Не ходил в школу и Федор. Его не было около месяца, и мы не знали – что с ним. Его долгое отсутствие тоже успело обрасти слухами: якобы его перевели в школу для трудных подростков или вообще запретили посещать любую школу в городе. Как все обстояло на самом деле, мы не знали и не интересовались, так как боялись правды.

Прошло еще немного времени, до окончания четверти оставалось три недели. Все пребывали в ожидании школьных каникул, новогоднего школьного маскарада – практически каждый день после школы мы шли на каток, играли в снежки, валялись в сугробах. Беззаботное детство било ключом...

Шел урок русского языка. Урок вела наша классная руководительница Антонина Робертовна. Мы изучали морфемы. Повторяя вместе с классом очередное правило, я открывал рот только для видимости, так как в этот момент все мое внимание было приковано к картине за окном. Там шел легкий пушистый снег, на фоне безветрия снежинки казались мне живыми существами, и я мечтательно пытался проводить каждую снежинку своим взглядом. Считал их, сбивался, потом все начинал сызнова. Я и не заметил, как ко мне подошла Антонина Робертовна: «Корень – это главная неиз-

меняемая часть слова...» – строго произнесла она, повернув рукой мою голову в сторону доски.

Я вновь зашевелил губами. Но, как только она отошла, я вновь незаметно вернулся к картине за окном, продолжив счет. В этот момент прорвались лучи солнца и слепящей волной ударили по глазам, в классе резко посветлело, все ожились и последовали моему примеру, устремив свои взоры на уличную панораму.

– О, солнце! – воскликнул Равиль Мустаев.

Класс залюбовался природным благолепием: сверкало солнце, одновременно шел снег – два антипода мирно уживались вместе. Тут медленно отворилась дверь, на которую тут же и переключилось внимание класса – там, на пороге учебного кабинета, в инвалидной коляске с улыбкой на лице сидел Федор. Он ждал разрешения войти.

– Входи, Федор, – отозвался Ролан.

– Входи, тут уже решили без меня, – иронично отметила Антонина Робертовна.

Федор въехал, он метался взглядом, выбирая место для остановки.

– Идем к нам, Федор, – выкрикнул Ролан.

Федор попытался протиснуться своей коляской между рядами, но застрял.

– Ага, один дурачок предлагает, другой слушает его. Нет, уж, – категорическим тоном возразила Антонина Робертовна, – он там сидеть не будет, тогда вы точно всю школу спа-

лите.

Класс засмеялся.

– Давай, милоч, разворачивайся. Артур, помоги ему, – обратилась она ко мне.

Я встал, приложил усилия, чтобы развернуть зацепившуюся о ножку парты коляску. Федор поблагодарил меня и улыбнулся. Я, как и прежде, сидел с ним рядом.

Прозвенел звонок. Все соскочили, стали собирать вещи, сквозь нарастающий шум в коридоре Антонина Робертовна объявила о домашнем задании. Сегодня у нас больше не было уроков. Я с ребятами собирался пойти на улицу, поиграть на школьном дворе в снежки. Мы позвали и Федора. Он согласился, но предупредил, что сможет побыть с нами недолго – его ждала мама. Перед тем как она выкатила коляску вместе с Федором на крыльцо, я успел с нею познакомиться, пока шагал рядом по длинному коридору школы. Эта светловолосая женщина очень понравилась мне. Переборов застенчивость, я не удержался и предложил ей свою помощь. Она улыбнулась и поблагодарила, но отказала, сославшись на то, что коляска ее сына – неподъемная ноша для такого «хрупкого мальчика», как я. Я разозлился, но виду не подал, зашагал вперед, обогнув коляску. Меня пронзил ее приятный голос, он звучал ласково, словно пел, поэтому долго злиться на нее я не смог.

Во время прогулки она стояла за Федором, подавая ему в руки только что слепленные снежки. Мы намеренно не бро-

сали снежные комья в их сторону, опасались, что ненароком попадем в нее. Над нами довлел невидимый запрет, который мы все недавно усвоили – старшие по возрасту люди для нас неприкасаемы. Иногда она сама метилась в нас, а ребята нарочно подставлялись. Присутствие взрослого в детской игре всегда привносит некую замороженность. Так прошло не менее часа, после этого, несмотря на уговоры Федора и нас, она увезла его домой. Мы продолжили играть в снежки, но уже не так рьяно, ведь чего-то и кого-то не хватало, во всяком случае, для меня.

Глава пятая

Мы узнали от Федора, что Надежда Васильевна находится на лечении в Германии. Ребята из класса могли только догадки строить, как наша ненавистная математичка умудрилась добраться до Западной Европы. Федор лишь рассказал нам, что у нее ожог третьей степени, и срочно потребовалась операция. Мы прозвали ее «Задницей», особо не стыдясь за данное ей прозвище, и молились всем богам, чтобы она подольше залечивала свои раны.

Конфликта между Федором и руководством школы избежать удалось. Правда, самого Федора некоторые горячие головы из школьного педсовета грозились поставить на учет в комиссию по делам несовершеннолетних. Но пронесло, его мама всеми возможными способами смогла сгладить конфликт. И чего ей это стоило! Она купила для нужд школы несколько компьютеров, оплатила поездку Надежды Васильевны в Германию – все это мы узнали только потом, чуть позже. Никто на тот момент не задавался вопросом морали, но все без исключения преподаватели обсуждали один и тот же вопрос: откуда у нее столько денег?

Среди наших родителей поползли слухи, что она имеет бизнес, приносящий ей неплохой доход. Многие говорили об этом с завистью, особенно учителя. Все это я узнавал от своей мамы, которая преподавала литературу и русский язык в

соседней школе. Она была знакома со многими из наших наставников. Нет, она не делилась со мной информацией, просто я, как любой ребенок, любил подслушивать разговоры старших. Любопытство детей не имеет границ, так как запретов в детстве больше, чем позволений.

Эти разговоры обладали магией, они нарочито находили меня, когда я неожиданно заходил на кухню за бутербродом, – мама моментально стряпала его и всучивала в руки, чтобы я поскорей убрался из компании ее подружек-коллег. Но я всегда успевал зацепить краем уха последние новости. А если мне не нужно было идти на кухню, то сплетни все равно просачивались ко мне через стену, закрытую дверь, замочную скважину.

Кто с кем спит, кто кого бросил, кто кому должен и у кого сколько денег. Эти истории я слышал всегда, когда мама по случаю какого-нибудь праздника собирала коллег на небольшой ужин. Помимо учителей из ее школы, к нам заходили и мои наставники. Завсегдаем маминых вечеринок была учительница музыки Эльза Петровна. Маленькая шустрая женщина с густым голосом. От нее я и услышал, на какие жертвы пошла мама Федора, чтобы удержать сына-инвалида в школе. В тот вечер я вошел на кухню за стаканом воды – якобы в горле пересохло – а Эльза Петровна, с присущей ей энергией, активно жестикулируя руками, делилась последними школьными новостями:

– Она не только купила компьютеры школе, она одарила

и Таисию Венгеровну. Не знаю, что она подарила конкретно ей, но после того как она вышла из кабинета Венгеровны, вопрос по поводу ее инвалида был окончательно закрыт.

– Деньги получила, деньги! Я слышала, она берет, – заявила тетя Алиса, как я ее называл, хотя доподлинно ее имя звучало совсем по-другому: Алия Анфасовна, она работала в одной школе с мамой и преподавала географию.

– Молчи, здесь дети! – Эльза Петровна посмотрела на меня, пьющего в этот момент воду из фарфоровой кружки. – Ну что, негодник, ты все слышал?

Я покачал головой:

– Нет.

– Слышал, слышал, – приставала учительница музыки. Она подозвала меня к себе, сунула в мою руку конфетку – моя плата за молчание. И, грубо обняв, выговорила:

– Все, что слышишь, должно оставаться здесь! – Она прижала меня еще сильнее.

– Эльза, отпусти его, – произнесла моя мама. – Иди, сын-нок.

Я вышел из кухни, но разговор все же дослушал.

– Но откуда у нее такие деньги? – удивленно спросила моя мама. – Она занимается бизнесом?

– Какой там бизнес! Видела ты ее? – в норковой шубе, на дорогой машине... Фифа, такие не работают, – затараторила Эльза Петровна.

– Но тогда откуда деньги? – не унималась мама.

– Говорю же, у нее богатый ухажер.

– Муж? – спросила мама.

– Лилечка, ты уж совсем как с луны свалилась, не будь такой наивной, – объясняла ей Эльза Петровна. – Есть у нее какой-то крутой... очень богат! Вот он и купил всю школу, всех нищих учителей, а эта шлюшка только ноги и умеет раздвигать, – громко сказала Эльза Петровна, на что мама тут же сделала замечание:

– Эльза, ну ты скажешь...

– Это тоже надо уметь... – вставила тетя Алиса.

– Согласна, была б я моложе, я бы этих мужчин...

– Ой-ой, да ты и сейчас не стара, так что у тебя есть шанс, – заерничала тетя Алиса.

– А как ты думаешь, этой вертихвостке сколько лет?

– От силы тридцать пять, – ответила тетя Алиса.

– Тридцать пять! – с сарказмом повторила Эльза Петровна. – Ей лет двадцать... ну, двадцать пять.

– Эльза, – вскрикнула мама, – ты что говоришь, какие двадцать, ей не меньше тридцати! Двадцать, скажешь тоже... – возмущалась мама.

– Ну-ну, пусть будет двадцать пять, – Эльза Петровна не сдавалась, она всегда спорила до посинения, пытаясь до последнего стоять на своем. Особенно, если успела хорошенько «принять на грудь».

– Она что, родила своего инвалида в четырнадцать лет? – с иронией вопрошала тетя Алиса.

– Такие в четырнадцать и рожают! Потому и дети инвалидами получаются! – ответила Эльза Петровна.

– Много ты знаешь! – фыркнула тетя Алиса.

– Ладно, не говори глупостей, Артур услышит, – вновь сделала замечание мама.

– Он уже большой, – хмельным голосом возразила Эльза Петровна.

Мама была права, я замер в прихожей и все слышал. Поначалу я возненавидел Эльзу Петровну за ее оскорбительные выпады в адрес матери Федора. С тех пор, как я познакомился с ней, вплоть до сегодняшнего дня она не выходила у меня из головы. Но в день, когда мама устроила вечеринку, что-то во мне переключилось.

Так быстро пришли и ушли мои первые чувства к женщине.

Глава шестая

Я подружился с Федором. Я четко помню тот день, когда мы сблизились. Пришла весна, а впереди самое долгожданное время года – лето. Толчком к нашей дружбе послужила чрезвычайная ситуация – после очередного учебного дня Федора не встретили. Его мать опаздывала. Так что в этот день именно на меня выпала серьезная задача – остальные ребята из класса успели разойтись по домам – помочь ему добраться до дома. Мы оба вышли из класса последними. Наблюдая на крыльце школы за его растерянным лицом, я предложил ему свои услуги. В этот день я сполна нарулился коляской Федора. Поднимал ее, опускал, бежал впереди, чтобы как-то затормозить и придержать ее, подталкивал сзади. Дорога до дома Федора заняла у нас не меньше двадцати минут, я весь взмок, выполняя функции пилота.

У подъезда дома нас встретила его мать. Она извинилась за опоздание. Федор ничего не ответил, он весь насупился и попросил меня, а не свою мать, чтобы я помог ему доехать до лифта. Она подошла к нему первой, но Федор нервно вскрикнул: «Не надо, меня довезет друг».

– Хорошо, пусть это сделает твой друг, – она отошла от него, вошла в подъезд.

В доме еще не улетучился смешанный запах красок. Мы поднялись на большом лифте на седьмой этаж, у двери их

квартиры я хотел попрощаться и уйти. Но мать Федора оставила меня.

– Тебя зовут Артур? – спросила она приятным голосом.

– Да, Артур, – повторил я, сделав ударение на первую букву. Чтобы правильно произнести мое имя, надо делать ударение на первую букву, отец даже сделал пометку над буквой «А» в моей метрике. Но никто в школе не называл мое имя правильно.

– Артур, – она произнесла с ударением, – спасибо, меня сегодня задержали на работе.

– Тебя стали часто задерживать, – огрызнулся Федор.

– Ты хочешь поругаться? – она немного повысила голос, он зазвучал твердо.

Федор промолчал.

– Ну, я пошел, – произнес я, в этот момент мне хотелось поскорей убраться.

– Нет, постой, останься, выпей с нами чаю, – предложила мать Федора, когда я отошел от них в сторону лифта.

– Артур, останься, я покажу тебе свою комнату, поиграем на компе, у меня есть новая игра, – поддержал Федор ее предложение.

Я остался. Вернулся домой только вечером, что стоило мне небольшой взбучки от мамы. Она сменила свой гнев на милость, только когда узнала, что именно я помог добраться Федору до дома. Она была горда мною и даже поделилась этим с отцом. Он тоже не оставил без внимания мой осознан-

ный поступок и утром, перед школой, вручил мне на мелкие расходы крупную купюру: «Ты можешь угостить своего друга, купи ему мороженое или конфет».

Я с фанатизмом выполнил пожелания отца. В большую перемену я укатил Федора в ближайший продуктовый магазин. Мне в этом помог Ролан, он тоже поддержал нашу затею. Да и толкать инвалидную коляску одному без посторонней помощи нелегко, вчера я убедился в этом: руки болели до сих пор. Только одна коляска, не считая Федора, весила не менее пятнадцати килограмм. Мало того, что она тяжело управлялась, вся дорога до магазина была усеяна ухабами и ямами, до краев наполненными талой водой.

В магазине мы купили мороженого, шоколада, жвачек, печенья. Денег добавил Федор, поэтому мы позаботились и о других наших товарищах, при этом опоздав на урок русского языка. Антонина Робертовна конфисковала у нас все сладости до конца урока. Потом попросила достать из портфелей дневники и сложить их на стол. Этого не сделал только Ролан, он оставил дневник дома. «Хорошо, принесешь завтра с утра», – спокойно сказала Антонина Робертовна и начала урок.

Весь урок я мучился, что она напишет или поставит мне в дневник. Больше всего я опасался двойки или кола за поведение. Тогда мне конец, родители не простят. Мама всегда повторяла мне, что я сын учительницы и должен быть примером для других. Иногда мне очень хотелось, чтобы я был

сыном шахтера или слесаря, но не интеллигентов, которыми меня часто попрекали наши драгоценные учителя. Но худшее случилось – Антонина Робертовна выписала нам большие и красные двойки за поведение.

К сладостям, которые после урока разобрали ребята, я не притронулся. Ролан, наблюдая за столпотворением вокруг ярких обёрток конфет, растолкал толпу и вынес мне оттуда целую горсть конфет и жевательной резинки. Я поблагодарил и сказал ему, чтобы он оставил все себе. На мое удивление Федор был спокоен, он особо не переживал. Мне бы его хладнокровие.

На целую неделю родители лишили меня «карманных финансов». Это стало для меня самым главным лишением. Из этих денег я всегда умудрялся отложить на очередную игрушку. Санкции ударили по мне очень серьезно. Больше мне не выписывали поощрительных баллов, если я вдруг заикался о помощи Федору.

Но зато я приобрел друга. Мать Федора в этом находила и практический смысл – она стала чаще задерживаться на работе, приезжать позже, когда мы, уже усевшись за компьютер, до помутнения резались в игры. Я даже начинал скучать, когда Федор подолгу не посещал школу.

Глава седьмая

В школу вернулась Надежда Васильевна. Она появилась сразу после майских праздников. Мы уже забыли о ней, в ее отсутствие мы даже полюбили математику, стоявшую в расписании в этот день последней, как обычно. Все четыре урока до этого ребята только и обсуждали ее возвращение. «Задница вернулась... жаль, что Федор ее не добил», – сокрушались все без исключения. Но самого Федора в школе не было, он отсутствовал уже целую неделю. Многие считали его везунчиком из-за того, что он не встретится лицом к лицу с Надеждой Васильевной. Но я знал, что Федор лежит в больнице для прохождения очередного курса реабилитации и уже не вернется до конца учебного года.

Прозвенел звонок на последний урок. Все пребывали в напряжении, оно было настолько сильным, что во время перемены никто из класса не вышел в коридор. Все молчали. Даже Ролан сидел тихо и не промолвил ни слова, хотя на его лице я прочитал некую отрешенность. В отличие от него, я весь дрожал. У меня затряслись руки, когда на другом конце коридора послышался до боли знакомый цокот женских каблуков. Все замерли. Она вошла.

– Здравствуйте, – спокойно произнесла Надежда Васильевна.

Мы встали.

– Садитесь, – тихоскомандовала она.

Все ждали – с чего она начнет. Если нет Федора, главного источника ее проблем, то, вероятнее всего, она отыграется на других.

– Ну, что вы без меня проходили?

Она подошла к Равилю Мустаеву, взяла его тетрадь, пролистала ее, отдала ему обратно и громко произнесла:

– Не густо!

Она отошла к доске и начала диктовать новую тему. Мы все заметили, что она не такая, как прежде. Она осунулась, побледнела, похудела. В какой-то момент она прервала речь, сжала губы, схватилась за живот, ей было больно. Что-то с ней было не то. Но для нас все закончилось благополучно – как в первый день ее возвращения, так и в последующие дни.

Надежду Васильевну будто подменили, мы не узнавали ее. Она изменилась не только внешне, но и в манерах. Она не кричала на нас, не ставила двоек, не мучила нас у доски. Нет, она все так же требовала с нас знаний и выполнения домашних заданий. Чего у нее было не отнять, так это способность донести любую задачу до любого ученика. У нее даже двоичники начинали думать, – так было и в этот раз, но больше она не лютовала. И мы находили это очень странным.

На последнем уроке она выставила нам годовые оценки, все пять отличников получили свои пятерки, хорошисты – четверки; главное, что не было двоек. Полгода назад никто из нас и не предполагал, что Надежда Васильевна так легко

раздаст в конце года нужные нам оценки.

Прозвенел звонок. В классе поднялся шум, многие соскочили со своих мест. Надежда Васильевна остановила нас.

– Погодите... – Она встала, нервно сглотнула. – Дети, я, я... хочу сказать вам, что больше не буду преподавать вам математику, – голос ее дрожал, глаза увлажнились.

Класс ахнул, мы не знали – радоваться или огорчаться. Но больше огорчились, ведь такую доброжелательную Надежду Васильевну нам хотелось бы видеть всегда.

– Вы уходите от нас? – жалобно произнесла Антоша.

– Да, так сложилось, – голос ее дрогнул, вот-вот заплачет, но Надежда Васильевна сдержалась. – Скорее всего, математику вам будет преподавать Галина Сергеевна.

– Мы не хотим Галину Сергеевну, – оживился Ролан.

– Да, да, не хотим, чтоб только вы... – оживились все.

– Чтобы я осталась? – с улыбкой на лице произнесла она и чуть прослезилась.

– Мы хотим, чтобы вы остались! – завопили мы.

– Спасибо, – она расчувствовалась.

Мы даже не могли предположить, что будем упрашивать ее остаться. Всему виной ее болезнь. Нет, Федор был тут ни при чем. Она, кстати, в последний день поинтересовалась о нем и передала ему привет, чем все мы были тронуты. Перед нами стоял совсем другой преподаватель, другой человек. Надежда Васильевна серьезно заболела, – когда проходила курс лечения в Германии, у нее случайно обнаружили

рак. Об этом я узнал от учителей-подружек мамы, у которых как всегда в хмельном угаре развязался язык.

Злокачественная опухоль настолько проела внутренние органы, что врачи, даже германские, отказали ей в операции. Она вернулась домой; врачи ей отмерили только пару месяцев жизни. Так оно и вышло – Надежда Васильевна умерла в начале июля.

В тот день меня с утра нашел Федор. Он позвонил мне домой и попросил прийти к нему. Также он высказал просьбу, чтобы я захватил с собой денег, если таковые в моем кармане имелись. Все, что у меня было, я отдал ему, как только переступил порог его квартиры. Он объяснил, что ему нужна моя помощь. Завтра хоронили Надежду Васильевну, а сегодня Федор, в преддверии похорон, задумал попасть в ее квартиру. Я недоумевал. Зачем? Это дело взрослых. «Мне это надо, мне надо проститься», – отвечал он.

Я с трудом понимал, как мы сможем доехать до центра города. «Мы даже не знаем адреса», – со скепсисом отозвался я на его предложение. Федор, к моему удивлению, про все успел прознать – где жила Надежда Васильевна, как добраться до ее дома. В конце концов, я согласился – переубедить Федора было невозможно. Но больше всего меня пугала перспектива волочь его коляску через весь город.

Федор в своем арсенале имел две коляски, одна была с электроприводом, другая с механическим приводом. Коляска с электроприводом была удобна во всех отношениях, ею

Федор пользовался дома, редко выбирался на ней на улицу, разве только когда был вынужден гулять один. Она преодолевала бордюры, поднималась по лестнице, пусть и очень медленно. Дома, сидя на ней, он мог наклонить кресло к полке и достать нужную ему вещь.

На улице, если он гулял в компании матери или друзей, он предпочитал пользоваться коляской с механическим приводом. За счет рук, вращающих колесные диски по краям, Федор запускал ее в движение, сам регулировал скорость. Эта коляска с трудом преодолевала барьеры, если кто-нибудь не толкал ее сзади. Зато механическая коляска была неприхотлива в обслуживании, человек, даже при отсутствии напарника, приложив усилия, мог проехать приличное расстояние. Все зависело от рук, а у Федора они были накачанными и цепкими. Минусом механической коляски был ее чрезмерный вес и неповоротливость.

Как я и ожидал, Федор выбрал для поездки к покойной учительнице второй вариант. Так что мне в этот день пришлось изрядно попотеть, прежде чем мы достигли нужной географической точки. Первым делом мы добрались до остановки, и перед тем как сесть в автобус, купили букет красных гвоздик. Федор держал их. Двое взрослых ребят помогли нам влезть в маршрутный ПАЗ. Людей в нем было мало, Федора не пришлось перемещать от места к месту. Он сидел почти у входа, а я сидел рядом и набирался сил.

Мы вышли на остановке «Университет», водитель не взял

с нас денег. Мы его громко поблагодарили, – Федор воскликнул на весь автобус: «Спасибо, желаю всем отличного дня!». Все недоуменно посмотрели на нас, но Федору хоть бы что, смутить его лишним вниманием было невозможно. А мне все было в диковинку – взрослые с ребяческим запалом провожали нас взглядом, а ровесники указывали на нас пальцем, смеясь над нашей неповоротливостью, если нас уносило далеко в сторону на поворотах.

Федор достал бумажку с адресом покойной учительницы. Надежда Васильевна жила на улице великого писателя Гоголя. Мы спросили дорогу у первого прохожего, он нас обрадовал – оказалось, мы вышли из автобуса раньше положенного на целых три квартала. Но, по словам мужчины, можно было пройти пешком напрямую, минуя несколько перекрёстков.

– Пойдем пешком, да и денег у нас нет, – прокомментировал Федор.

Мы пошли пешком. Я толкал коляску Федора, поднимал с бордюра, опускал, так мы прошли полпути. Я устал, вспотел, мне хотелось пить. Когда подъехали к магазину, я начал требовать воды.

– Ты же знаешь, все деньги я потратил на цветы, – ответил Федор.

– Я устал, – присев на корточки сказал я, отказываясь идти дальше.

– Еще чуть-чуть, Артур, пошли, еще немного, мы почти дошли, – пытался взбодрить меня Федор.

– Нет, не могу, иди один, я тебя здесь подожду.

– Я без тебя никак.

– Тебе легко говорить, это я тебя толкаю и несу, – возразил я Федору.

– Хорошо, догонишь! – воскликнул он и поехал дальше один.

Если бы меня попросили охарактеризовать Федора одним словом, то, в первую очередь, я назвал бы слово «упорство». Поэтому, в точности предугадав такой ответ, я поплелся за ним. К тому же перспектива остаться одному в центре города и без денег меня очень встревожила. Федор нарочно старался уехать от меня подальше, доказывая мне, что он может справиться и без моей помощи. Но вот чуть не опрокинул коляску, когда пытался на скорости въехать на разбитый бордюр. Я поспел вовремя.

– Спасибо! – крикнул он мне.

Из последних сил я доставил его к порогу многоэтажки, где когда-то жила наша учительница. Мы поднялись к лифту, но он не работал. Я сдался. Федор понимал, что мне одному невозможно затащить его на пятый этаж. Он молчал, смотрел на меня, как я умираю от жажды, как с меня ручьями стекает пот. Но он никогда не сдавался. Вот и на этот раз он проявил смекалку.

– Хочешь пить? – предложил он.

Я кивал, говорить не было сил.

– Вот тебе десять рублей, купи себе воды. – Он вытащил

деньги из кармана, протянул мне.

– Ты же говорил, что у тебя нет денег, – удивился я.

– Денег нет, но для тебя как для моего друга у меня есть все. Ты видел магазин, он за домом.

Я кивнул и уже хотел бежать, как Федор сделал еще одно напутствие:

– Найди около магазина одного или двух алкашей, предложи им заработать сто рублей на пиво.

– У тебя есть еще и сто рублей?! – возмутился я.

– Неважно, – отрезал Федор, – ладно, иди.

Я стоял.

– Ты не знаешь, кто такие алкаши? – Федор засмеялся. – Не знаешь?!

Я неуверенно помотал головой. Я не раз слышал на кухне, как моя мама в шутку называла алкашом Эльзу Петровну.

– Иди, приведи того, кому нужны деньги.

Я ушел, зашел в продуктовый магазин, купил воды, вышел на улицу. Открыл пластиковую бутылку, жадно отпил – почувствовал облегчение, когда со лба полился пот. Огляделся по сторонам – в округе никого, ни души. Отпил еще, почувствовал, что на смену жажде пришло чувство усталости. Но оно тут же сменилось чувством тревоги, когда передо мной неожиданно выросло три подростка. Один из них был моего возраста, двое других чуть постарше.

– Чертило, ты откуда? – пренебрежительным тоном спросил самый высокий из них.

– Я, я...

– Заика! Ха-ха! – Засмеялись все его шутке.

– Деревня, – сквозь злостную ухмылку пробурчал другой и слегка ударил меня ладошкой по темени.

– Бабло есть? – сказал третий, самый младший, он был немного ниже меня. Худой, из носа торчали противные сопля, он постоянно подтирал их тыльной стороной кисти.

Я замотал головой. Мною завладел страх, помощи ждать было неоткуда, в этом районе я оказался в первый раз, никого не знал и тяжело ориентировался на местности.

– Пойдем с нами, – приказал самый высокий из них.

– Куда? – жалобно вымолвил я.

– Ща увидишь, – ответил щуплый с соплями. Он толкнул меня. Я упал на асфальт, но ничего не поранил.

– Да этот шибздик стоять не может, деревня, ха-ха-ха! – Все опять засмеялись.

– Пошли, и смотри, муило, попробуешь слинять – пеняй на себя!

Я встал и покорно пошел с ними. Шел медленно, ноги не двигались. Как только я замедлял шаг, то сразу получал пинка. Особо усердствовал мой ровесник. Троица завела меня в безлюдный двор, где как назло не было ни одного взрослого. Мы подошли к скамейке подъезда дома, к двум ребятам, которые выглядели старше всех остальных. Они отрешенно, поочередно зевнув, взглянули на меня.

– Привели заложника, – обратились они к ним.

– Ну и? – ответил один из них и покосился на меня. – А бабло есть?

– Бабки гони, – повторил тот, кто толкнул меня.

– Нет, – тихо вымолвил я.

– Ну что тогда делать с тобой? – спросил один из двух старших товарищей, демонстративно крутя в руке железный кастет.

– Б...и¹, вы кого притащили, а? – сказал второй, чье лицо было усыпано прыщами.

– А ну, выворачивай карманы! – завопил самый задиристый и опять толкнул меня.

На этот раз я устоял. Мне ничего не оставалось, как вывернуть карманы моих шорт, что-то предательски лязгнуло по асфальту. Это была сдача, все, что осталось от десяти рублей. Задиристый поднял монету и протянул ее парню с кастетом.

– Б...ь, здесь только мелочь, – произнес он, принимая двухрублевую монету. – Ладно, дайте пинчер и отпустите его, ищите других.

Задиристый пнул меня.

– Вали, тебе повезло, – небрежно прошипел он мне в ухо.

Не оглядываясь, я медленно пошел в сторону дома, где меня ждал Федор. Нужно было пройти сквозь двор, в котором я оказался не по своей воле. Неожиданно меня остановил свист. Я оглянулся.

---

¹ Б...ди – нецензурное слово.

– Пойди сюда, – кивающим жестом подозвал меня парень с кастетом.

Чувствуя, как вновь подкашиваются ноги, я все же вернулся к своим недоброжелателям. Страх настолько сковал меня, что я даже не решался броситься трусцой через дворы к дороге, где было достаточно многолюдно.

– Слышь, пацан, ты к кому тут приехал?

– Ни к кому.

– Заблудился? – все усмехнулись.

– Меня ждет друг в том доме, – я указал пальцем на соседний дом.

– А кто твой друг?

– Он нездешний, мы пришли на похороны учительницы.

– Где твой друг? – возбудился самый задиристый.

– Он ждет меня в подъезде.

– Может, у него есть чем...

– Пасть заткни, – парень с кастетом прервал задиру. – А кто умер? Ну, учительница...

– Надежда Васильевна.

– Надежда Васильевна? – удивился парень с кастетом.

Я кивнул.

– А ты с какой школы?

– С двести первой.

– С двести первой? Такой не знаю.

– Слышь, Колян, – парень с кастетом обратился к прыщавому, – Надежда Васильевна сдохла.

– Вот курва, до сих пор помню, как ее математика запарила меня.

– Да, ты не один такой, она кого хочешь забодает.

– А у твоего друга бабло есть? – обратился прыщавый ко мне.

Я неуверенно помотал головой. Выдавать финансовые возможности друга мне не хотелось. Но, с другой стороны, мной двигал страх, мне еще не приходилось попадать в лапы незнакомой дворовой шпаны, от которой можно было ждать чего угодно.

– Значит, есть. Пошли к твоему другу, – прыщавый соскочил со скамейки.

– Нет, иди один, – вдруг возразил тот, кто с кастетом.

– Ты что, Юран, обоссался? Васильевна же сдохла!

– А, ну да, пошли тогда, – ответил товарищ, спрятав кастет в карман.

Я в окружении уже пяти человек пошел в сторону дома покойной Надежды Васильевны. Ноги на этот раз шли намного быстрее. Я не знал – почему. То ли был спокоен за Федора, то ли из-за того, что теперь настала его очередь отвечать перед шайкой юных гопников. А свою очередь я удачно миновал. Пока мы шли, из рассказа нового знакомого Юры я понял, что Надежда Васильевна, где бы ни работала, везде устанавливала свои жесткие правила. Получалось, от нее страдали все ученики школ, где она преподавала математику.

– Когда я ушел в другую школу, то в первый год учебы у меня по математике чуть пятерка не вышла. Все думали, что я пришел из математической школы.

– Кого ты грузишь, – пререкался с ним прыщавый, – у тебя – и пятерка? Ты же двойку от тройки отличить не можешь.

– Слышь, ты че гонишь?

– Это ты грузишь...

Мы вошли в подъезд. Там, около лифта, в полном забвении ждал меня Федор. Он оживился, когда увидел меня и мою новую компанию.

– Что так долго? – резко сказал он мне, не замечая других ребят.

– Это и есть твой друг? – спросил меня Юра.

– Да, – с чувством вины ответил я.

– А деньги-то у него есть? – со смешком произнес неугомонный задира.

– Есть! – твердо ответил Федор.

– Ничего себе, какой смелый, – задира подошел к Федору, но не знал, как к нему подступить, – видно, бить и обижать людей с ограниченными возможностями ему еще не приходилось.

– Вам что, мой друг ничего не сказал?

– Нет, а что? – ответил Юра и вытащил кастет из кармана.

– Тебя как зовут? – смело спросил у него Федор.

Юра оглянул своих товарищей, он не ожидал такой прыти от Федора, но затем, сложив губы в трубочку, произнес:

– Юран. А тебя?

– Федор, а моего друга – Артур.

– С твоим другом мы знакомы.

– У меня к вам деловое предложение, – так же смело выговорил Федор.

– Хочешь сказать... – начал говорить задира.

Он не успел договорить, Юра отвесил ему увесистую оплеуху.

– Ты что?! – завопил задира, схватившись рукой за висок.

В меня вселилось удовлетворение – я был отомщен.

– За пятьдесят рублей вы поднимете меня на пятый этаж, потом, если хотите заработать еще пятьдесят рублей, опустите обратно.

– Сто рублей?! – призадумался Юра, спрятав кастет обратно в карман.

– Еще чего, я его не потащу! – заартачился прыщавый. – Я что тебе, служанка?

Шайка гопников засмеялась.

– Поташат другие, – ответил Юра и оглядел троицу, которая пленила меня у магазина.

Он приказал им взять на руки коляску Федора. Никто не послушался, они молча подошли к нему, дружно взяли на руки, понесли по лестнице, а Юра и я пошли за ними. Федор напоминал мне царя, которого несут слуги в паланкине, а Юра – верного оруженосца. Они доставили его по назначению, и Федор отдал первую обещанную часть суммы.

– Если что, мы внизу, – отчитался верный оруженосец. Прислуга поспешно удалилась.

Мы стояли перед дверью в коридорный пролет. Я толкнул ее, она отворилась. Немного растерялись, когда увидели красную крышку гроба. Осторожно, оглядываясь на нее, прошли мимо. Подошли к двери квартиры. Кругом тишина, только жужжание мух, блуждающих по сырым простенкам межлестничных пролетов.

Мы долго не решались постучаться, но вдруг открылась соседская дверь – нас передернуло – и оттуда вышла пожилая угрюмая женщина.

– Мы к Надежде Васильевне, – выговорил Федор.

– Заходите, она в гостиной... не бойтесь, там никого нет.

Я толкнул коляску Федора, но Федор не желал идти первым:

– Иди ты.

Я не слушал его, вцепился железной хваткой в рукоятки коляски и медленно катил ее в направлении гостиной. Чувствовал, как в теле Федора растет напряжение, сжимается невидимая пружина – оно стало непомерно грузным, тяжелым. Прошли прихожую, увидели краешек гроба, напряжение немного спало. Мы примостились рядом, сидели тихо. Соседка отметила, что за сегодняшний день мы – первые посетители. Больше никого. Надежда Васильевна была окутана в белый саван, поверх которого по центру тела было накинуто серо-зеленое покрывало. Соседка предложила открыть

лицо. Мы промолчали на ее предложение. Она подошла к изголовью и приоткрыла краешек савана.

– Не надо, – отказался Федор.

– Не бойтесь, она вас не укусит, – успокоила нас соседка.

Я молчал. Во мне играло противоречие – с одной стороны, я боялся мертвой Надежды Васильевны, с другой, во мне играло обычное человеческое любопытство. Пожилая женщина открыла лицо. Мы не узнали свою строгую учительницу. Она иссохла, лицо сильно осунулось, щеки, как и нос, запали. Рот был немного приоткрыт. Смотреть на все это было невозможно. Когда женщина обратно задернула край савана, Федор тяжело выдохнул. Соседка вышла из гостиной, удалилась в свою квартиру. Мы остались вдвоем. Мне захотелось в туалет. Я встал со стула, на что Федор тут же возразил:

– Не оставляй меня.

Но я не слушал его, во мне возникло необъяснимое желание пойти ему наперекор. Я ушел, заперся в туалете. Зловещая тишина опустилась за дверью туалета. Вдруг раздался крик и стон. Я испугался, в панике выбежал из туалета, забыв спустить воду из бачка. Схватился за ручку входной двери, дернул ее, наткнулся на крышку гроба, попятился обратно в квартиру, резко захлопнув за собой дверь. Я был окружен со всех сторон. Возвращаться в комнату тоже не решался. Ко мне вернулось знакомое чувство страха. Но где мой друг?

– Федор? – негромко крикнул я.

Никто не откликнулся. Я застыл. В каком направлении

пойти? Меня стало подташнивать. У меня даже возникло желание вновь сдаться в плен ребятам, которые ждали нас внизу. Ничего не оставалось, я медленно вошел в гостиную. Там, в коляске у гроба, сидел Федор. Он не посмотрел на меня, его взгляд был устремлен на голову под саваном.

– Федор, – сказал я.

Он не отвечал.

– Федор, – я толкнул его в плечо.

Он вновь промолчал. Но что-то было не так. Я заметил, что на полу небрежно валялось порванное надвое серо-зеленое покрывало, которым была покрыта Надежда Васильевна.

– Что ты наделал, Федор? – тихо спросил я.

Он обернулся ко мне. Я увидел бледное лицо, а в синих глазах ясно горел ужас. Он не видел меня, помотал головой и тихо произнес:

– Пошли отсюда.

Мы вышли. Ребята спустили Федора на улицу. На ближайшей остановке дождались автобуса. Всю дорогу молчали, не проронив ни слова. Только у подъезда я все же спросил у друга о том, что же случилось в гостиной.

– Мне надо домой, – лишь ответил мой друг.

Глава восьмая

Прошло очередное лето, наступила осень. Мы перешли в следующий класс. Все выросли, прибавили в росте. Мальчики наконец-то стали догонять в этом отношении девочек. Только один Федор оставался таким же; нет, он рос, как и все мы, но оставался в наших глазах таким же беспомощным физически. Это уравнивало наши шансы с ним, потому как нам казалось – если бы он мог стоять, то должен был быть выше всех. Он стал для нас непререкаемым авторитетом. А многие и завидовали ему – тому, что у него всегда водились в кармане деньги, тому, что он обладал самой большой коллекцией компьютерных игр, многие учителя прощали его за выходки, за выкрики с места, его редко наказывали за поведение. И я не был исключением, я тоже завидовал, но одновременно гордился дружбой с Федором. В очередной раз Федор возвысился над нами, когда получил роль короля в школьной постановке.

В канун осенних каникул нашему классу дали задание поставить спектакль. Отвечала за постановку учительница музыки Эльза Петровна. Она объявила нам, что наш класс будет ставить пьесу Чехова «Три сестры». Но через два дня по неизвестным причинам Эльзу Петровну отстранили от спектакля. Поговаривали, что она поругалась с всемогущим завучем, после чего учительница музыки несколько дней боялась

приходить в школу. Так мы остались без репетиций и режиссера. Нашу постановку поручили Виктору Андреевичу, который преподавал у нас уроки труда. Это был наш человек, мы все его любили, как и сам урок. Он, недолго думая над новой задачей, поменял постановку и остановился на пьесе Шекспира «Король Лир». Как и о Чехове, о Шекспире мы слышали отрывчато, по школьной программе этих авторов пройти еще не успели. Класс собрался на первую репетицию, присутствовали все, кроме Федора, – его не было уже вторую неделю.

Виктор Андреевич хорошо знал по именам только мальчиков, с нашими девочками он знаком не был. Уроки трудов проходили раздельно, это единственная дисциплина в школе, где соблюдался гендерный принцип. Мужские роли он распределил очень быстро. Павел Белобородов, который всегда старался быть первым во всем и везде, получил роль короля Лира; Равиль Мустаев, нередко уступающий по собственной воле негласное первенство среди отличников Павлу – роль Эдмунда; Бесу досталась роль оруженосца; Ролану – роль Эдгара, этот выбор показался нам противоречивым. Фаза слыл большим задирой, но одновременно заступался за нас, за своих одноклассников, когда мы подвергались нападению таких же неумных задир из других классов. Внутренне нас терзали сомнения и вопросы – почему столь благородную роль Эдгара Виктор Андреевич отдал неуспевающему ученику, коим являлся Ролан. Но, как показала даль-

нейшая жизнь, мы очень заблуждались в отношении Ролана.

А мне досталась неблагодарная роль шута, которой я сопротивлялся, но Виктор Андреевич настоял, уговорил меня, сказав, что эта самая знаковая роль в пьесе. Все надо мной смеялись, особенно Павел, который издевался больше всех, выкрикивая в мою сторону «Шут! Шут! Быстро ко мне! На место!» при каждой возможности. Однажды я не выдержал и чуть не ударил его, нас вовремя разняли. После чего этот несносный отличник немного приутих, но ненадолго.

А распределить роли среди девочек оказалось более сложной задачей, так как Виктор Андреевич не знал, кто на что способен. Но, как бывший военный, он нашел выход. Словно на построении, он громко спросил, есть ли среди девочек отличницы. Некоторые из них неуверенно закивали. Тогда следом прозвучал приказ: «Девушки-отличницы, встать!». Встали все трое. Анфиса Жаркова получила роль старшей дочери короля Лира – Гонерильи, роль второй дочери Реганы досталась Олеся Куприяновой, а Антоше – роль младшей дочери, Корделии.

Почему именно в такой последовательности наш учитель распределил роли? Но когда настал черед первых репетиций, к нам пришло понимание. Антоша – отзывчивая девочка, с только зарождающейся женственностью. Олеся – Регана, немного закрытая, никто не знает, что у нее на уме, толком ни с кем не дружит, всегда сама по себе, старается быть незаметной. Анфиса – это точная копия Гонерильи, черноволо-

сая, жгучая бестия с одной стороны, с другой – подозрительно покладистый ребенок. Знает и как себя подать, и что говорить, где необходимо – промолчит, ради достижения цели пойдет на все.

После уроков мы остались на очередную репетицию. Она проходила в небольшом актовом зале со сценой и зрительскими рядами, в котором шли уроки музыки. Последним на репетицию пришел Виктор Андреевич, выработанным командным голосом объявил о пятиминутной готовности. Первая сцена, Павел – Лир поднялся на сцену, за ним – три его дочери...

Резкий шум из коридора на миг отвлек наше внимание, в проеме двери показался знакомый силуэт сидячего человека. Это был Федор. Подпрыгивая на коляске, которую сзади за ручки поддерживала его мама, он спустился по лестнице в зал. Начало репетиции пришлось отложить. Мы обрадовались, окружили его. Виктор Андреевич тоже подошел и поздоровался. Мама Федора понравилась ему с первого взгляда, он тут же позабыл о ребятах на сцене, ожидавших начала первого акта. Поздоровался и представился:

– Виктор.

– Лена.

– Какое красивое имя, – ответил он, расплывшись в улыбке.

– Мне так еще никто не говорил.

– Как Федор? – спросил он, попеременно глядя то на Фе-

дора, то на его мать.

– Спасибо, все хорошо.

– А мы тут ставим спектакль. Хотите посмотреть?

– С удовольствием.

– Тогда присядьте, – Виктор Андреевич повелительно указал на стул в зрительском ряду.

– Ну, все, ребята, начинаем! – Виктор Андреевич хлопнул в ладоши.

– А давайте Федору тоже дадим какую-нибудь роль, – вдруг предложил Ролан.

– Да, дайте ему роль, – поддержали другие ребята.

– Дайте, дайте роль! – закричали даже те, которые не были задействованы в постановке, но из любопытства приходили на репетиции.

Гомон нарастал.

– Хорошо, – громко скомандовал Виктор Андреевич. – Сейчас подыщем.

Все столпились у подножия сцены, кроме Павла, который в одиночестве терпеливо ждал начала репетиции на самой сцене.

– А давайте ему отдадим роль короля, – предложил Равиль.

– Да, давайте! – закричали ребята.

– Но у нас уже есть король, – неуверенно возражал учитель труда.

– Зато у Федора есть трон, – сказал Ролан.

– Хм, точно, у него есть трон, – озадаченно произнес Виктор Андреевич и посмотрел на Павла, а затем на Федора, но последней инстанцией, от которой он ждал негласного одобрения, была мать Федора. Но она неожиданно возразила:

– Не надо у мальчишки отбирать роль, у вас есть король.

С ее стороны это было очень благородно, но класс взревел – теперь они видели в роли Лира только Федора. Он был лидером и антиподом Павла, а самое главное – он обладал личным атрибутом власти: трон-креслом. Лучшего короля для себя мы не могли представить. Дети любят реальность, а не сказку.

– Хорошо, – ответил Виктор Андреевич. – Павел, – обратился он к низложенному королю, – если ты уступишь, то проявишь благородство.

– А если нет? – тихо спросил Павел.

– Ну, тогда... – было видно, что Виктору Андреевичу еще не приходилось сталкиваться с самым тяжелым выбором в жизни – выбором между детьми.

– Я не отдам, это моя роль, это я – король... – жестко ответил Павел, которого всегда характеризовала целеустремленность и неуступчивость.

– Так не пойдет! – скомандовал учитель. – На правах режиссера-постановщика я лишаю тебя роли.

Звучало жестоко, но никто об этом не задумался; одноклассники, возможно, настолько недолюбливали Павла за его эгоизм, что посчитали это лишение достойной для него

карой. Он выбежал из зала со слезами на глазах. Виктор Андреевич пошел за ним. Только мать Федора засокрушалась:

– Обидели ни за что мальчика, так нельзя... – Она укоризненно посмотрела на Федора.

Кроме него ее никто не услышал. Прошло примерно десять минут, Виктор Андреевич вместе с Павлом вернулся в зал. Павел с опухшими глазами присел на крайний стул в последнем ряду. Учитель труда поднялся на сцену.

– Дети, чуточку внимания, – голос его немного дрогнул. – Павел уступает роль короля Лира Федору... – В ответ послышалось одобрительное улюлюканье. – Поблагодарите его, – добавил Виктор Андреевич и сам захлопал в ладоши. Все поддержали его.

– Жмот стал человеком! – воскликнул Бес. Так прозвали Павла за его эгоизм и жадность. Он не давал списывать уроки и никому никогда по учебе не помогал.

– Так, тихо, – вновь звонким голосом обратился Виктор Андреевич. – Павел получит роль графа Кента.

– Что еще за Кент? – тут же спросил Ролан.

– Это благородный персонаж, он любил короля, и до последнего оставался преданным ему.

– Это не о нем, – возразил Ролан.

– Точно не о нем, этот – жопа! – завопил Бес.

– Вам разве мало того, что Павел проявил благородство? – уточнил Виктор Андреевич.

Все замолкли.

– Ну, все на сцену.

Целый час мы репетировали спектакль, у нас оставалась до премьеры целая неделя, чтобы успеть выучить слова и сгладить все шероховатости. А их была уйма. Самый большой объем труда предстояло проделать Федору, он, в отличие от нас, пока не выучил ни одного слова из своей роли. Но с первой же сцены вжился в роль, слова читал по книге, но мимика лица четко выражала настроение нашего короля. Завидев его насупившиеся брови, мы просили о милости и пощаде, задранный подбородок значил для нас, его придворных, что надо замолкнуть, ухмылка означала пренебрежение...

А его шут всегда стоял за королем и за ручки умело катал кресло по маленькой сцене. Мне нравилась моя роль, король без меня – никто и ничто. Виктор Андреевич назвал меня «серым кардиналом» королевского двора. Мне понравилось это выражение, хотя толком я не знал, что оно значит.

– Ладно, на сегодня все, – Виктор Андреевич завершил репетицию, – в следующий раз соберёмся через два дня, а там уж и спектакль.

Он подошел к матери Федора и что-то шепнул ей на ухо, та, смутившись, улыбнулась ему в ответ. Так они и ворковали, пока в актовый зал не залетела Эльза Петровна. Она негодуяще посмотрела на мать Федора, потом тот же взгляд остановился на Викторе Андреевиче. Учитель труда не замечал ее, все его внимание было приковано к новой знакомой.

Он продолжал что-то тихо говорить ей, а та стояла и слушала, продолжая слегка улыбаться. Для меня это было первым примером в жизни – как мужчина теряет голову при виде привлекательной женщины.

– Виктор Андреевич, – выговорила Эльза Петровна.

Он ее не слышал.

– Виктор Андреевич, – злобно повторила она.

Опять без ответа.

– Виктор Андреевич! – почти яростно закричала учительница.

– А, а, что? – Виктор Андреевич посмотрел по сторонам. – Это вы мне? – обратился он к Эльзе Петровне.

– Пусть ваши ученики уберут за собой, – возмущаясь, выговорила Эльза Петровна.

– И что же надо убрать за собой? – недоумевая, спросил Виктор Андреевич.

– Пусть сложат стулья в один ряд, не актовый зал, а колхоз...

– Артур, Ролан, Сергей и все остальные, сложите стулья, а то Эльзе Петровне негде сидеть, – с улыбкой на лице сказал нам преподаватель.

Шутка в адрес Эльзы Петровны разозлила ее еще больше. Гнев нарастал, даже мы, покорные ученики, чувствовали, что еще немного – и она взорвется. Как только Федор вместе с мамой покинул класс, она напустилась с гневной тирадой на нашего любимого учителя.

– Я стояла и ждала, пока вы не договоритесь с этой, с этой... шлюхой! – завопила она.

Виктор Андреевич опешил. Он оглядел оставшихся учеников – нас оставалось трое: Ролан, Сергей и я; потом, убедившись, что больше никого рядом нет, язвительно выговорил:

– Ревнуете?!

– Я? Вас? К ней?! Отчего?! Оттого, что от вас каждый день тащит перегаром?

В ответ Виктор Андреевич только самодовольно улыбался.

– Вы же алкаш и никудышный преподаватель! – кричала неугомонная Эльза Петровна. – А эта шлюха тоже хороша, с вами лясы точит! Нет, чтоб сыном заняться, ведь сын тоже никудышный, загнал в гроб Надежду Васильевну, эту, эту...

– Ребята, – по-свойски обратился к нам Виктор Андреевич, – пойдём отсюда...

Мы с гордыми лицами покинули зал.

– Нет, он меня еще и не слышит! – пуще прежнего взбесилась Эльза Петровна. – Я вот все завучу расскажу...

– О чем?! – Виктор Андреевич обернулся. Мы стояли за его спиной, но смогли уловить неловкое движение Эльзы Петровны – та попыталась в истерике запустить в Виктора Андреевича тряпкой. Тряпка слетела с рук.

– О том, что ты алкаш и приводишь сюда шлюх!

– Быть шлюхой – тоже надо иметь талант, и я теперь убе-

дился, что куда больший, чем уметь преподавать детям музыку. До свидания! – Он захлопнул дверь.

В первый раз в жизни мы попрощались с преподавателем за руку. Каждому из нас Виктор Андреевич пожал руку. Это был незабываемый жест, он сделал нас своими сообщниками.

– Забудьте все, что произошло сегодня, Эльза Петровна несчастная, одинокая женщина... Это будет нашей тайной. Хорошо? – обратился он к нам.

Мы все дружно закивали.

Почему Эльза Петровна так неадекватно повела себя, было выше нашего понимания. Ей всегда доставалось от Таисии Венгеровны, вот и на этот раз ее лишили – в качестве взыскания – статуса постановщика школьного спектакля. Но дело не в постановке, этой общественной нагрузке чурались все без исключения преподаватели. Кому хочется после занятий оставаться лишних два часа для работы с «балбесами», как нас всегда окликала в порыве ненависти Эльза Петровна? Никому, да еще и на общественных началах.

Эльзу Петровну всегда карали за любую провинность. В школьном коллективе она имела негласный статус «козла отпущения». Но более недисциплинированного преподавателя, чем Виктор Андреевич, в школе было не найти. Он опаздывал на уроки в утренние часы, часто отпускал учеников раньше времени. Ходили даже слухи, что учеников старших классов он отправляет в магазин за водкой или пивом. Но

все ему сходило с рук по причине его обаяния. Его все любили. Ученики – за то, что он всегда говорил с ними на одном языке, коллеги – за его безотказность в трудную минуту, женщины всегда чувствовали в нем мужчину, и им нравился его легкий житейский пофигизм. Да к тому же он был кадровым военным в отставке, дослужился до подполковника инженерных войск.

У него росла дочь, которая жила с матерью – с его бывшей женой. Они жили в другом городе, а он жил с пожилой мамой. Не сказать, что он был запойным, но выпить любил и от застолья не отказывался никогда. После нескольких подобных «соглашений» подряд он прогуливал работу. Но ему все прощали, он пользовался покровительством самого влиятельного человека в школе – Таисии Венгеровны, которая гарантировала ему иммунитет. Она частенько одна или с несколькими приближенными учителями захаживала после уроков в кабинет труда. Там они накрывали небольшую «поляну», а Виктор Андреевич всех веселил, говорить он мог сколько угодно и как угодно. Зачастую он и нам во время уроков рассказывал истории про службу в армии. Все они пестрели романтикой и одновременно жуткими реалиями солдатской жизни. После таких рассказов у меня появились первые сомнения на счет будущей службы в армии в качестве срочника.

Получалось, что за одни и те же грехи Виктора Андреевича почти всегда миловали, а Эльзу Петровну наказывали не

только рублем, но и часто на педсовете прилюдно унижали за недостойное учителя поведение.

Вечером перед сном я спросил у отца что такое «перегар», – такого вопроса он не ожидал. Немного подумав, он сказал, что «это то, с чем иногда приходится сталкиваться почти каждый день». Отец знал, о чем говорит, ведь он работал строителем. Я задал второй вопрос, на который я тоже хотел получить ответ, но более конкретный.

– Пап, а что значит «серый кардинал»?

– Этот тот, кто мутит воду, – ответил отец и добавил: – Тот, кто всегда переигрывает ситуацию в свою пользу, ну, скажем так, интригует, распускает слухи...

Я немного растерялся из-за ответа, но все же решил задать еще один уточняющий вопрос:

– Пап, зачем тогда наш учитель назвал меня серым кардиналом? Я же не распускаю слухи...

– Нет, ты самый честный мальчик, которого я знаю...

– Но тогда почему?

– Ну, наверное, он посчитал тебя самым умным...

– Умным?

– Да, ведь серый кардинал – это тот человек, который всегда дает правильные советы людям. Спи давай! – Отец накрыл меня одеялом и вышел из комнаты.

Мне понравилось его определение, я был горд, что мне досталась роль шута – серого кардинала. Но и «мутить воду» звучало завлекательно, волнительно и одновременно злоеще.

Глава девятая

Спектакль, который мы репетировали чуть больше недели, и который продлился не более пятнадцати минут, мы показали перед всей школой. На премьеру пришли ученики всех классов и весь педагогический коллектив. В первый раз в жизни мы поняли, что такое успех, и как приятно получать овации. Виктор Андреевич после финальной сцены вышел на сцену. Он поблагодарил всех ребят, отдельно он попросил поприветствовать Федора. Все встали и долго хлопали в ладоши. Они хлопали королю.

После представления, как обычно, я проводил Федора до дома. И, как всегда, задержался. Мы резались в игры, как вдруг позвонили в дверь.

– Кто это? Мама? – спросил я у Федора.

– Нет, у нее есть ключи.

Федор укатил к двери, открыл ее. В квартиру вошел Виктор Андреевич, я очень удивился, заведя физиономию нашего преподавателя. В руке у него был торт. Он поздоровался со мной и поинтересовался у Федора, когда придет его мама. По реакции Федора я понял, что он тут не в первый раз. Мало того, Виктор Андреевич без приглашения разул ботинки, надел какие-то тапочки и ушел в гостиную. Федор, как ни в чем не бывало, вернулся к компьютеру. Но, посмотрев на мое недоуменное лицо, он все же выговорил:

– Не парься, он пришел к маме.

Я кивнул, и мы продолжали свое путешествие по виртуальному миру, где нет места взрослым. Через полчаса мы вернулись в реальность – пришла мама Федора. Она пригласила нас к столу на чай с тортом Виктора Андреевича. Мы съели по кусочку и вновь закрылись в спальне Федора, где нас ждало побоище в одной из самых увлекательных игр того времени из серии Quake.

Через два часа бескомпромиссных сражений мы с Федором решили немного сыграть в шахматы. В эту игру меня научил играть отец, а я, в свою очередь, научил Федора и даже подарил ему деревянные шахматы. Я всегда его обыгрывал, но нельзя сказать, что я был наделен талантом шахматиста, просто я освоил один урок: в шахматах главное – внимательность, этого достаточно, чтобы одержать победу над таким же шахматистом, как и я сам. Тактика моя была очень проста: вырубить большинство фигур и уже потом поставить мат. Мы расставили фигуры, сделали несколько ходов, и тут Федор огорошил меня. Он поставил мне мат в несколько ходов.

– Где ты так научился? – спросил я.

– Виктор Андреевич научил. Это детский мат.

Мне расхотелось играть в шахматы, но и Федор сегодня не испытывал особой тяги к интеллектуальной игре. Было видно, что он временами напрягался, замирал, прислушиваясь к еле улавливаемому разговору за стеной. Тревога засты-

вала на его лице, когда за стеной надолго опускалась глухая тишина, ни голоса, ни звука, как будто Виктор Андреевич и мать Федора испарились, исчезли в никуда. Но затем голоса вновь оживали, и Федор в такт им начинал шевелиться, говорить, проявлять ко мне мнимый интерес. После очередного затишья он выехал из спальни, толкнул дверь кухни, но она не открылась. Он заорал во всю глотку, такого свирепого голоса я еще не слышал. Несколько раз ударил коляской о дверь. Щелкнул замок, и дверь открылась.

– Ты что, сдурел?! – заорала на него мать. Никогда бы не подумал, что эта миловидная женщина может так повыситься голос. Последние чувства к ней у меня окончательно улетучились.

– Мне надо в туалет.

– Иди сам, без меня, я уже десять лет за тобой убираю. Передохнуть невозможно, с утра и до вечера ты у меня...

У Федора навернулись слезы, он развернул коляску и въехал обратно в комнату.

– Ненавижу его! – закричал он вслед матери, когда та захлопнула дверь кухни.

А мне захотелось домой, и я быстро ушел.

Глава десятая

Мы многого не знали о Федоре. Наверное, я был единственный, кто знал его лучше других, но это не означало, что я был хорошо осведомлен о самой жизни Федора. Представление о его судьбе, трудностях, минутах счастья мне приходилось собирать по крупицам, как мозаику. Не удивительно, но полное осознание того, что он инвалид, неполноценный человек, в мою голову пришло в последнюю очередь, когда я уже стал зрелым человеком, мужчиной, обременённым заботами о других.

Федор ничем не отличался от всех нас, когда появился на этот свет однажды в полночь. Он был улыбчив, понапрасну не плакал, как любой ребенок был неусидчив. В четыре года он умудрился незаметно залезть на дерево в парке и просидел на нем целый час. Его мать за это время в полной истерике оббегала весь парк, даже успела вызвать наряд милиции, но еще до их приезда Федор спустился на землю. Все это время он наблюдал за тревожными поисками своей матери с дерева. Так он играл.

В том же году, когда он с мамой Леной еще жил в коммунальной квартире, мальчик пробрался в чужую соседскую комнату и почти до смерти напугал хозяйку – пожилую женщину, с устрашающим криком вылетев на нее из гардероба. Для соседской старухи его выходка чуть не закончилась ин-

фарктом. Таких случаев за пять лет жизни набралось бесчисленное множество.

Но как только ему исполнилось пять лет, с ним случилось непредвиденное. Мать ушла в магазин, оставив его одного. Как всегда, наполненный неумемной энергией, он забрался на книжный шкаф, который простирался до потолка и весь был забит запыленными книгами. Шкаф качнулся, не выдержал и упал на пол. Бесчисленный ворох тяжелых книг, оставшихся от деда – отца Елены – обрушился на малыша, а следом и сам шкаф, накрывший книжную гору. И если бы не злобредная соседка-старушка, которую он вечно пугал, то он так и остался бы лежать под тяжестью книжных знаний.

Соседка прибежала на шум падения шкафа, – позже она удивлялась, что вообще смогла услышать грохот в соседней комнате, ведь к своим семидесяти пяти годам растеряла весь слух. «Прозрение, данное свыше», – объясняла она спустя время. Старуха не растерялась, тут же сообразила, что Федор лежит под грудой книг и тяжелых стеллажей. Несмотря на возраст, она смогла расчистить путь к нему. Он лежал без сознания, из носа и ушей шла кровь, но ребенок дышал. Приехала «скорая». Затем – полгода в больнице, а сначала около двух месяцев в реанимации, на грани жизни и смерти. Однако Федор выжил, несмотря на то, что его позвоночник в поясничной области пришлось собирать по кускам.

Федор четко помнил, как пришел в себя, когда прошел спинальный шок, зашевелил руками. Он открыл глаза, уви-

дел свои ноги, торчащие из-под одеяла на другом конце кровати, но не смог ими пошевелить. Он давал ногам сигнал, напрягался, но они не слушались, ощущение было, что их просто нет. Не его ноги, чужие – кто-то еще лежит под его одеялом. Вердикт врачей был неутешителен: ходить он не будет никогда. И как итог – инвалидность. На научном языке его диагноз звучал следующим образом: «параплегия нижних конечностей». Но это было еще не все. Врачи обнаружили на месте повреждения позвоночника опухоль. Анализ показал злокачественный характер опухоли. Врачи диагностировали рак костной ткани позвоночника – остеосаркому. Закончив лечение в одной больнице, Федора срочно перекинули в онкологический центр. Там сделали еще одну хирургическую операцию – удалили опухоль. Она оказалась не столь критичной, так как не успела пустить метастазы. Злосчастная травма, перевернувшая жизнь, по воле судьбы стала причиной спасения ребенка. Врачи в один голос твердили, что еще бы полгода – и опухоль поглотила бы весь организм, и они бы уже ничем не смогли помочь пятилетнему малышу. Перипетия судьбы Федора многих удивила, но только не его самого.

Настала другая жизнь, отличная от той, до злосчастливого случая. Поначалу он часто задавал один и тот же вопрос своей матери: «Я не как все?». На что она отвечала: «Нет, просто ты избран». Дальше он спрашивать боялся. А позже у него из памяти совсем выветрилось, что он когда-то ходил. Или

забыл намеренно, бесповоротно. Смирился... но разве ребенок может смириться со своей судьбой? Никогда. Он вырос, и в нем росло понимание его положения.

Как только Федор научился читать, он перерыл все энциклопедии, ища всю информацию о своей травме. Мать тоже не сдавалась, она писала во все инстанции – от социальных служб до медицинских учреждений. Она хотела того же, что и он – «чудо-операции», после которой он встанет и пойдет на своих ногах. И первым делом отнесет до ближайшей помойки коллекцию инвалидных колясок, как ненужный хлам. Но все врачи только бессильно разводили руками. Что-то предпринимать бесполезно и поздно, мышцы ног атрофировались навсегда.

И с этим ему предстояло жить, как и его матери – Елене. В этой семье все были героями – и он, и его мама. Каждый день она собирала его в школу. Мыла, одевала, кормила, отвозила в школу, забирала обратно, выводила на прогулку... И так каждый день, без выходных, при том, что она успевала работать. Деньги нужны были очень. Больше половины бюджета уходило на медикаменты, перевязочный материал, на врачей, на специальное питание...

Глава одиннадцатая

Федор проснулся, крикнул, но мать не ответила. Он крикнул еще раз. Но в ответ – опять тишина, словно во всей Вселенной, ограниченной четырьмя стенами, он один. Он уже не пугался. Приподнял тело, присел, уперся руками о стоящее рядом кресло, забрался в него. Поехал, открыл дверь комнаты, выехал в прихожую. Завидев знакомые мужские ботинки в прихожей, он не решился постучать в спальню матери. Вернулся в свою комнату и тихо ждал. Послышался топот, шепот, скрипнула дверь, защелкнулся замок. Опять тишина. В комнату вошла мама.

– Он ушел? – спросил Федор.

Она промолчала, взяла за рукоятки инвалидную коляску и повезла в направлении ванны.

– Значит, по труду у меня будет пятерка.

– Не ерничай, – строго отрезала мать.

Она сняла его с коляски, перенесла на пол, на которую успела постелить клеенку. Надела на руки резиновые перчатки.

– Тужься... еще... сильнее...

– Не могу...

– Отдохни, не торопись, я пока соберусь на работу, – она вышла из ванны.

Федор лежал на клеенке боком; каждое утро они с мамой

продельвали одну и ту же процедуру. Сходить «по большому» для Федора было самой неприятной проблемой. Кишечник с каждым годом после травмы работал все хуже и хуже, его перистальтика ослабевала, и освободиться от каловых масс без посторонней помощи делалось невозможным.

Через десять минут мать вновь вошла, на этот раз все получилось. Она подняла его и положила в ванну. С каждым днем ей, хрупкой женщине, все трудней удавалось перемещать Федора по квартире, перекладывать его из коляски на кровать, с кровати на коляску, перемещать по ванне.

– Еще два года, и я уже не смогу поднимать тебя, – пыхтя, выговорила мать.

– Надеюсь, что не доживу, – без намека на иронию отвечал Федор.

– Дурак, только попробуй! Глупостей не говори, – злилась мать.

– Ты меня отвезешь сегодня в школу к ребятам? – Федор каждое утро задавал этот вопрос.

– Нет, сегодня не успею, мне пора на работу, я и так каждый день опаздываю, меня так уволят скоро.

– Тебя не уволят.

– Сегодня – нет. Завтра может быть.

Федор дулся, хотя, если мать решила, то так тому и быть. Он редко перечил ей, только в минуты, когда сильно скучал по ней.

– А учителя хоть придут сегодня, а то их два дня уже не

видно?

– Кстати, надо позвонить в школу.

Учителей из школы приходилось силком затаскивать к Федору. Только покойная Надежда Васильевна честно исполняла свой долг. Но ее нет, а новая учительница по математике не особо посещала его, хотя по телефону из школы через день кормила «завтраками». Жаловаться на них тоже не имело смысла. Идти на конфликт с учителем всегда стоило оценки. Занизить или натянуть нужную оценку, оставить на второй год за неуспеваемость – все это во власти учителя. Учитель всегда прав.

Но в учителях Федор особо не нуждался. Хотя Федор и дня не прожил бы без посторонней помощи, в нем была чрезмерно развита самостоятельность. Он делал уроки без принуждения. Открывал учебник, решал задачи, если кое-что не получалось, все равно не сдавался, и в конце концов находил верное решение. Он справлялся с любым предметом в одиночку – с историей, с русским языком, с английским...

За уроками он убивал время. Но перед тем как сесть за них, он каждое утро, особенно зимой, подъезжал к окну и наблюдал за людьми, бегущими на работу. Но, в отличие от многих других, он в эти минуты не был преисполнен чувства защищенности, наоборот, Федор представлял, что именно он, вопреки снежной буре, на своих ногах смелой поступью шагает по хрустящему снегу. Вот он пришел в школу, разделся в гардеробной, поднялся наверх, на второй этаж, встретил

ребят, набегался по коридору, вспотел. Прозвенел звонок на первый урок...

Глава двенадцатая

Виктор Андреевич закрутил роман с мамой Федора, – из учеников школы, не считая Федора, я был единственным, кто знал об этом факте. Я никому об этом не сказал, да и особо меня это не занимало. Хотя один раз у меня возник порыв, когда моя мама устроила очередные посиделки с коллегами, среди которых как обычно значилась Эльза Петровна. Так вот она, после очередной рюмки, громко, на всю квартиру рассказала легенду – якобы мать Федора занимается проституцией. Клиенты – обеспеченные люди города. Все возражали, но Эльза Петровна проявляла непреклонность и повторяла: «Тогда откуда у нее деньги на компьютеры для школы?».

– Богатый спонсор, – отвечала мама, а остальные вторили ей: – Ты же сама в прошлый раз распиналась, орала тут, что у нее богатый ухажер...

– Нет, не помню, она проститутка... – категорично кричала пьяная Эльза Петровна.

В это мгновение во мне проснулось желание ворваться на кухню и обрушить весь свой гнев на неугомонную Эльзу Петровну, сказать ей в лицо, что тетя Лена порядочная женщина, и что за ней ухаживает всеми уважаемый и любимый учениками Виктор Андреевич. Еле удержался. Но оказалось, что Эльза Петровна и так обо всем знает:

– Наш Витек тоже решил за ней приударить, а она его отшила, куда ему с его зарплатой. Она ведь очень дорогая проститутка... хотя, что в ней особого...

– Нам всем с нашей зарплатой можно идти туда же... – подшучивала мама.

Я был рад за Виктора Андреевича. Они с мамой Федора казались мне красивой парой. Но теперь Эльза Петровна невзлюбила не только Виктора Андреевича, но и тетю Лену, а это значит, что у Федора в будущем могли быть проблемы с предметом «музыка».

Так оно и случилось. На тех редких уроках пения, на которых присутствовал Федор, Эльза Петровна излишне придиралась к нему за ответы. Однажды Эльза Петровна задала классу вопрос: «Кто такой Чайковский?». Все выкрикивали с места ответы, в том числе и Федор. В основном все отвечали неверно, кем только ни называли великого композитора – певцом, художником, и лишь Федор правильно назвал его композитором. Но Эльза Петровна осекла его, сказав: «Лучанов, ответ неправильный, он был, прежде всего, педагогом».

Но больше всего не повезло Виктору Андреевичу. Этот роман вышел ему боком и стал отправной точкой в его жизни, которая покатила вниз с удвоенным ускорением, благодаря той же Эльзе Петровне. Своей осведомленностью, что Виктор Андреевич часто опаздывает, приходит в школу с нетерпимым перегаром, руководство школы было обязано

Эльзе Петровне. Как только он подходил к кабинету труда, она умышленно пробежала мимо – ее кабинет музыки соседствовал с кабинетом труда – и, учуяв знакомый запах, бежала наверх. Направлялась в учительскую или в кабинет к Таисии Венгеровне, которую сама же ненавидела, как, впрочем, и завуч не переносила на дух эту неумную букашку.

В одно морозное утро, за полчаса до начала уроков, Эльза Петровна, тяжело пыхтя, прибежала в учительскую и ждала там Таисию Венгеровну. Та вошла в учительскую за ключом в личный кабинет, но, увидев взволнованную Эльзу Петровну, небрежно спросила:

– А вам что?

– Я к вам по очень срочному вопросу!

– Если вы насчет Виктора Андреевича, то напрасно, он отсутствует по уважительной причине, – попыталась предвосхитить события Таисия Венгеровна.

Эльза Петровна немного замешкалась, она пыталась найти нужные слова.

– Да, я по его душу, думаю, вам будет очень интересно услышать одну новость, – интригующим тоном ответила учительница музыки.

– Хорошо, слушаю вас.

Эльза Петровна рассказала последние сплетни, – она знала, на что можно давить. Все знали о служебном романе Таисии Венгеровны с Виктором Андреевичем, хотя их отношения с трудом походили на классический роман. Так, сексу-

альные утехи двух одиноких людей, и то – в кабинете завуча или в классе трудов, когда школу накрывало тенью опустения. Но на этот раз Эльза Петровна «стукнула» в самый подходящий момент.

Таисия Венгеровна сама замечала, как в последнее время охладел к ней Виктор Андреевич. Он исчезал из школы сразу после уроков, на ее предложения задержаться на работе тактично отказывался, мотивируя свой отказ болезнью матери. А недавно и вовсе забыл поздравить ее с днем рождения. Таисия Венгеровна не претендовала на него, но, как и в любой женщине, которую беспардонно игнорируют, в ней проснулась мужененавистница. Она сухо поблагодарила Эльзу Петровну и попросила ее тут же сообщать ей про все провинности коллеги.

Таисия Венгеровна не пустилась в чувственные разборки, а как расчетливая стерва стала ждать – как зверь, терпеливо подстерегающий свою жертву в засаде. Виктор Андреевич попался в ее когти на следующий же день. Он прогулял первый урок, об этом завучу снова доложила не кто-нибудь, а Эльза Петровна. На следующий день он тоже провинился – отпустил учеников десятого класса на целых полчаса раньше положенного, так как у него были запланированы личные дела. Только за одну неделю у него набралось три негласных взыскания. И, неожиданно для него, в начале следующей недели его вызвали на педсовет. Но он не явился на встречу с коллегами, предпочтя пойти в кино с мамой Федо-

ра. На следующий день, в присутствии директора школы и завуча, разговор все же состоялся. Петр Евдокимович молчал, он только кивал после каждой фразы Таисии Венгеровны.

– Мало того, что вы систематически нарушаете трудовой кодекс, вы еще и педсовет проигнорировали, а это уж слишком... .

– Хорошо, давайте короче... – оборвал ее Виктор Андреевич.

– Этот нахал еще и не слушает! – повысила голос завуч.

– Таисия Венгеровна, меня ждут ученики...

– Пусть ждут, какая тяга проснулась к труду! Что-то мы этого раньше не замечали! – нервно вскричала Таисия Венгеровна.

– Слышь, Венгеровна, ты тут решила спектакль разыграть? Так и скажи, что ревнуешь...

– Ты, скотина, совсем оборзел? – взвыла она.

– Тише, тише, устроили тут базар! Это все-таки школа! – вмешался директор.

– Вы видели, Петр Евдокимович, он меня оскорбил...

– Вы оба хороши, идите работать, – директор вышел из учительской.

– Ну что, Витюша, как она, прекрасна? – фамильярно произнесла Таисия Венгеровна.

– А-а, вот в чем дело, уже донесли.

– Сама догадалась, я женщина понятливая, – ехидно от-

вечала Таисия Венгеровна. – Значит, ухлестываешь за матерью инвалида. Свою дочь не смог воспитать, а жопу инвалиду подтирать, думаешь, получится?

– Если понятливая, что ж тогда весь этот спектакль-то устроила?

– Почему устроила? Хотела узнать правду.

– Ну, узнала? – небрежно спросил Виктор Андреевич.

– Да, узнала.

– Ну и хорошо, – Виктор Андреевич самодовольно улыбнулся.

– Что, радуешься? – процедила Таисия Венгеровна, в ее голосе отразилась вся ненависть момента. Она пыталась казаться спокойной, уравновешенной, но у нее мало что получалось – перед ней был не запуганный ребенок, а взрослый мужчина с военным прошлым.

– А как же, – спокойно выговорил он и направился к двери.

– Зря ты все это задумал! – выкрикнула Таисия Венгеровна.

– Наконец-то до тебя дошло, что не все тебе подвластно! – Виктор Андреевич с издевкой махнул ей рукой и вышел из учительской.

Виктора Андреевича лишили премии, вклеили выговор и предупредили, что в следующий раз, если он проигнорирует педсовет, его неминуемо исключат из школы. На некоторое время он стал более дисциплинирован, старался не опаз-

дывать на занятия, но и в школьных посиделках он больше не участвовал, навечно отдалившись от трудового коллектива. А Эльза Петровна, постоянно неся дежурство у кабинета трудов, все ждала своего часа – когда же Виктор Андреевич поскользнется. Но ждать пришлось недолго.

Глава тринадцатая

До наступления Нового года оставалось несколько дней. В школе в эти дни стояла необычайно оживленная атмосфера. Новогодняя суета возбудила всех: учеников, учителей, родителей. С раннего утра – утренники для младших классов, днем – новогодние классные посиделки для ребят немногим старше, а старшеклассники ждали новогоднюю дискотеку, куда нас, учеников шестого класса, пока не приглашали и не пускали. Но самые шустрые из нас все же пробирались через кордоны неусыпных учителей, дежуривших у входа в спортзал, за дверями которого гремела музыка и сияла новогодняя елка.

Виктор Андреевич в эти дни был нагружен работой – он играл роль Деда Мороза, это стало некой традицией в его школьной жизни. Другого Деда Мороза мы уже и не представляли. Так же традиционно он исполнял роль конферансье на вечерней дискотеке, где под восторженные вопли учеников он объявлял со сцены музыкальные номера и много шутил, пытаясь зажечь танцующую толпу. Складывалось ощущение, что это его последний вечер в роли ведущего школьного шоу. Так оно и случилось. Вечер прошел на «ура», и дети долго не отпускали своего любимого учителя со сцены.

Когда следующим утром уборщица открыла спортзал, то

за кулисами сцены перед ее удивленным взором предстал храпевший Виктор Андреевич. Он спал на матах, от него тянулся привычный шлейф перегара. Уборщица ахнула и застыла в нерешительности, потом предприняла несколько попыток разбудить его. Но все тщетно, Виктор Андреевич только что-то бормотал в ответ.

– Ха-ха, вот так удача, – едко выговорил кто-то за ее спиной.

Эта была Эльза Петровна, она вся сияла.

– Миленькая моя, постарайтесь никого не пропускать сюда до прихода директора, я мигом за ним, – Эльза Петровна пулей вылетела за дверь.

Уборщица не слыла вредным человеком – она предприняла еще одну попытку разбудить пьяного учителя – в отчаянии огрела его по спине шваброй и вскричала: «Вставайте же, сейчас директор придет!». Виктор Андреевич очнулся, безучастно взглянул на возмутителя спокойствия, но тут же опять закрыл глаза. Когда вновь раздалось похрапывание, уборщица поняла, что все усилия напрасны, и ему не избежать моральных унижений. В зал забежала Эльза Петровна, она шла впереди, заискивающе приговаривая: «Идемте, идемте, он здесь». За ней грозной поступью шла Таисия Венгеровна, а следом – директор.

– Вот видите, его напоили вчера вечером! – Эльза Петровна вся тряслась от удовольствия.

– Да, это уж совсем, – пробормотал директор и обратил-

ся к завучу: – Ваша очередь, Таисия Венгеровна, разберитесь... – И, не оглядываясь, быстро ретировался.

Виктор Андреевич проспал на матах весь день, он проснулся только к вечеру, когда весь персонал школы уже успел разойтись по домам. На вахте его встретил охранник и молча передал ему записку от Таисии Венгеровны. Он неохотно прочитал ее – его приглашали на внеочередной педсовет завтра в двенадцать дня – смял в руке и небрежно бросил в урну, но промахнулся.

– Есть что-нибудь выпить? – спросил он у охранника.

– На работе не пью, – ответил тот.

– Понятно... – Виктор Андреевич, пошатываясь из стороны в сторону, направился к входной двери.

На следующий день он пришел в школу не ради посещения педсовета, он зашел в кабинет директора, протянул ему заявление об увольнении. Директор подписал его, пожелал ему удачи. Там же в приемной он встретил Таисию Венгеровну.

– Что, решил избежать публичного позора? – с усмешкой выговорила она.

– Нет, просто все обрыдло. И ты – в том числе.

– А ты грубиян, никогда бы не подумала...

– С тобой только так, больше никак... – Виктор Андреевич пытался ерничать.

– Но я еще могу оставить тебя в школе, – вдруг предложила собеседница. Она неожиданно смягчила тон.

– И во что мне обойдется твоя милость?

– Не паясничай, я серьезно.

– А-а, ты хочешь...

– Нет, твоя шлюшка меня не беспокоит, можешь бегать к ней, как и раньше...

– Но в чем вопрос? – Виктор Андреевич с удивлением взглянул на Таисию Венгеровну.

– Ты назовешь учеников-собутыльников, с кем ты распивал за кулисами спиртные напитки во время дискотеки.

– Ну да! – воскликнул Виктор Андреевич. – Другого я от тебя и не ждал!

– Ну почему же, у нас у каждого есть работа... мы, учителя, должны исполнить свой долг до конца.

– Звучит высокопарно и подло... Хочешь в очередной раз поглотить пару несмышленных подростков? Нет уж, все это без меня...

– Тогда – прощай! – Таисия Венгеровна выскочила из приемной директора.

Виктор Андреевич вышел за ней следом, намеренно пошел в другую сторону коридора, хотя им было по пути. Он услышал ее голос в конце коридора.

– И вот еще что...

– Что?

– Передай своей шлюшке, что мужчины часто не выдерживают конкуренции и сбегают! – Она резко повернулась и исчезла за углом.

– Непременно! – ответил уже себе Виктор Андреевич.

Посланный в отставку учитель вышел из школы, встретил на крыльце старшеклассников, немного поговорил с ними, попрощался с каждым за руку. Виктор Андреевич пошел в нашу сторону, – мы с ребятами на школьном дворе играли в снежки, – но до нас он так и не дошел и, лишь помахав нам рукой на прощание, свернул на близлежащую тропинку.

Позже я встречался с ним в квартире Федора. Мы немного разговаривали, он интересовался нашей успеваемостью, всегда напутствовал на труд и учебу. Федор всегда вежливо разговаривал с ним, они находили общие темы для бесед, споров, в которых я не участвовал, а только слушал. Чего было не отнять у Виктора Андреевича, так это его умения находить контакт с детьми. Это было его коньком. Но, когда мать Федора закрывалась с нашим бывшим учителем на кухне или в спальне, Федор менялся, вся дипломатия Виктора Андреевича меркла на фоне его неприятия моим другом. В эти минуты, независимо от того, чем мы увлекались: игрой на компьютере, игрой в шахматы или в карты, Федор терял интерес ко всему.

Спустя некоторое время посещения Виктора Андреевича прекратились, я не знал, что могло послужить причиной его размолвки с тетей Леной. Несколько раз я встречал его на улице и всегда громко с ним здоровался в надежде, что он протянет мне руку для приветствия. Но он так и не протянул ее мне. Больше я его не видел. Он испарился, исчез,

как исчезают из нашей жизни люди после того, как сыграли
небольшую роль в нашем становлении.

Глава четырнадцатая

Наступивший год запомнился мне тем, что я познакомился с Интернетом, и это знакомство произошло благодаря Федору. В один из дней я пришел к нему домой после школы. Тетя Лена накормила нас обедом. В ней я заметил некую нервозность, она сильно волновалась, периодически поглядывала на настенные часы на кухне, замирая на миг, прислушивалась к каждому шороху и стуку за входной дверью. И внешне она выглядела немного по-другому – волосы были перекрашены в рыжий цвет.

Федор тоже наблюдал за беспокойным поведением матери, но вопросов не задавал, а терпеливо ждал. Скорее всего, он был в курсе, отчего так волнуется главная женщина в его жизни. И вот позвонили в дверь. Тетя Лена побежала, открыла дверь, ахнула, но через какое-то время я наблюдал за двумя обнимающимися в прихожей людьми.

– Федор! – крикнула она. – Идем сюда! Взгляни, кто пришел.

Если бы не последующее обращение Федора, то я бы принял рослого широкоплечего мужчину за его отца, о котором ничего не знал.

– Дядя Гена! – воскликнул Федор.

Дядя Гена с легкостью поднял Федора с коляски, прижал к себе.

– Ну что, соскучились?!

– Да, дядь Ген, соскучились!

– Посмотри, что я тебе привез.

Следом за дядей Геной вошел такой же рослый и крепкий мужчина, в руках он держал две коробки.

– Поставь на пол, – скомандовал дядя Гена.

Мужчина повиновался:

– Я внизу, в машине.

– Можешь отлучиться на пару часов, но не опаздывай.

– Хорошо, Геннадий Иванович.

Дядя Гена привез Федору новый компьютер. Но это было не последним сюрпризом. Через полчаса в квартиру пришел мастер и настроил доступ в Интернет через модем. Мы все знали о нем, я даже немного научился пользоваться им, когда приходил к отцу в офис. В то время иметь дома Интернет было редким удовольствием. И Федор стал первым в классе, у кого он появился. Мы мало понимали в принципах его работы, но быстро научились им пользоваться. Я дал другу несколько советов, которыми он воспользовался наполовину. И не прошло и получаса, он уже с уверенностью ходил по сетевым просторам. Отыскал несколько игровых сайтов, немного помучившись, скачал пару простых игр. Я вновь завидовал ему, но меня успокаивало то, что эти минуты счастья он делит со мной.

Не отвлекаясь ни на что, мы были полностью поглощены новыми возможностями. К моему удивлению Федор был

спокоен, ни разу не прислушался к шепоту за дверью и, даже когда замок в двери спальни матери тихо щелкнул, Федор не придавал данному факту особого значения. От него веяло спокойствием и задором от новых впечатлений.

Прошло пару часов, прежде чем дядя Гена заглянул к нам в комнату. Он встал за нашими спинами и молча наблюдал, как Федор, нервно нажимая на кнопки, несется по городской трассе на спортивном автомобиле. Дождавшись, когда автомобиль Федора вылетел за парапет набережной, дядя Гена спросил:

– Ну что, как дела в школе? Никто не обижает?

– Нет, дядь Ген, все путем, – отвечал Федор.

– Как уроки труда? – спросил он.

– Труда?! – удивился Федор и осторожно поднял взгляд на старшего собеседника.

Дядя Гена натянуто улыбался.

– Ну, я об учителе труда, – уточнил дядя Гена.

– А-а! – воскликнул Федор. – Он больше у нас не работает.

– Не работает?! – переспросил дядя Гена.

– Да, не работает. – Федор взял в руки «мышку» и, подвинув коляску к столу, снова устремил свой взгляд на монитор.

– погоди, поиграешь, когда я уйду.

Федор неохотно повернулся к нему:

– Он у нас точно не работает, а про другое я не знаю, спросите у мамы.

Дядя Гена с задумчивым взглядом сжал губы, было вид-

но, как он переваривает ответ Федора. Краткий и не очень точный.

– Хорошо, можешь играть дальше... – Дядя Гена вышел из комнаты.

– А что он тебя так мучает? – спросил я.

– Не знаю, он всегда спрашивает про маму, если долго не заезжает к нам.

– А кем он работает? – поинтересовался я.

– У него большая фирма и куча телохранителей.

– У него много денег?

– Куча! Он миллионер, если не миллиардер.

– Круто, мне бы такого дядю.

– Он мне не дядя! – резко ответил Федор и, отвернувшись от меня, снова запустил игру. Больше о дяде Гене он говорить не желал.

Уже позже я понял, какую роль занимал в их жизни дядя Гена. Многими материальными благами Федор с матерью были обязаны ему. Тетя Лена работала в его большой компании. Это он купил для школы компьютеры, оплатил лечение Надежды Васильевны за границей, и еще несколько раз после этого оказывал школе материальную помощь. Одаривал он и школьных учителей, которые, хоть и с неохотой, но все же посещали Федора на дому.

Глава пятнадцатая

Как-то в квартиру моего друга заявила Эльза Петровна. Это стало неожиданностью не только для Федора и его мамы, но и для меня, уже сидевшего после занятий в компании друга в его комнате. Но оставаться надолго я не собирался, родители в приказном тоне попросили меня вернуться домой без опоздания. Многочасовые посиделки за компьютерными играми иногда мешали моей успеваемости, и пришло время как-то подкорректировать мой хаотичный режим. Особенно на этом настаивал отец, а когда он вмешивался, я понимал, что послушание обернется мне слишком дорого. Меня лишали не только карманных денег, но и подарка к какому-нибудь знаменательному событию.

Так, например, я лишился обещанного велосипеда к окончанию учебного года из-за того, что у меня по русскому языку вышла тройка. Для мамы это стало настоящим позором. Родители чуть позже приобрели обещанный велосипед, но это случилось уже осенью, когда упал первый снег. Тогда мне удалось по итогам первой четверти заполучить четверку по русскому. И прошлая тройка забылась, ушла в историю. Но мне целую зиму и весну пришлось любоваться велосипедом на балконе, в знак назидания за неуспеваемость. Зато родители в этом случае приобрели выгоду, купив велосипед за полцены на распродаже.

Поэтому я твердо решил для себя не задерживаться у Федора до наступления лучших времен, когда немного ослабнет узда родительского воспитания. Я попрощался у порога квартиры, как вдруг позвонили в дверь. Я оторопел, когда увидел, кто пришел в гости.

Эльзу Петровну никто не ждал. Она не входила в число преподавателей, которые были обязаны посещать обездвиженного ученика. Но она пришла, объяснив свой визит неуспеваемостью Федора по уроку музыки. Это вызвало у матери Федора легкое смущение, ее сын всегда учился хорошо, но то, что он не успевает по музыке, такого она и предположить не могла. Все же мы учились в обычной школе, и никто не покушался на лавры Пласидо Доминго, если не считать нескольких ребят из класса, постоянно посещавших музыкальную школу. Эльза Петровна по-своему обняла меня и восторженно произнесла:

– И ты тут!

Я кивнул, ощутив себя неловко в кольце объятий незваной гостьи. Она, наоборот, не отпускала меня, демонстрируя хозяевам наше неформальное знакомство. Мне ничего не оставалось, как снова громко всем заявить: «До свидания!».

– Ты уже уходишь? Можешь остаться и помочь Федору по музыке, – вдруг предложила она.

– Да, останься, – поддержали Федор и его мама.

Я остался, но предупредил, что не более чем на полчаса. Все ждали, с чего начнет Эльза Петровна. Сняв пальто, она

прошла в гостиную, затем обошла все комнаты. Она жадно поедала глазами убранство в комнатах. В отличие от наших «панелек» квартира Федора многим казалась дворцом. Большой холл, огромная гостиная, две спальни, все комнаты изолированы. Кухня – мечта хозяйки, там помимо стола и стульев, настенных шкафов и холодильника стоял большой диван. Это не могла не отметить наша учительница, которая воскликнула с нотками зависти:

– Какая большая квартира! Не сравнить с нашими норами, ютимся в пятидесяти квадратах...

Мать Федора ничего не ответила. Она предложила чаю и ушла на кухню, а Эльза Петровна осталась рассматривать настенное панно. Но я-то четко видел, что она уперлась взглядом в стену, покрытую ткаными обоями. В подтверждение моих слов она неуверенно протянула руку к обоям и осторожно попробовала их на ощупь. Голос хозяйки ее немного напугал, она отшатнулась и пошла на зов.

Мы резались в игры и ждали когда Эльза Петровна, насладившись чаем и конфетами, приступит к уроку музыки. У Федора в доме не было музыкальных инструментов, а Эльза Петровна ничего близко подобного к ним не приволокла. Через какое-то время мать Федора позвала нас на кухню и строгим голосом спросила:

– Федор, Эльза Петровна говорит, что у тебя проблемы с сольфеджио.

– Софеджи-о? – удивился Федор.

– Да, у него проблемы, – выдохнула Эльза Петровна.

– А что это такое, со-софе-джио?

– Федор, не придуривайся, – строго ответила мать.

– Мам, я точно не знаю про это, впервые слышу.

– Это наука о нотах, – поучительно сказала Эльза Петровна. – Этот предмет изучают все дети, Федор, но так получилось, что ты пропустил большинство занятий по музыке.

– Не так уж и много я пропустил... – Федор посмотрел на меня. – Артур, скажи, что я посещал уроки музыки. Попеременно взглянув то на Федора, то на его мать, то на Эльзу Петровну, я закивал головой.

– Но откуда ему знать, посещаешь ты уроки или нет? – встала Эльза Петровна. – Твой друг и про себя-то мало что знает.

– Нет, я посещал занятия, – не сдавался Федор, он развернул коляску и выехал из кухни.

– Ты куда? – крикнула ему вслед мать. – Вернись, учитель пришел по твою душу, чтобы ты хорошо учился!

Но Федор ее не слушал, а я пошел за ним. Мы закрылись в комнате и долго не выходили. Мне самому было непонятно поведение Эльзы Петровны – и с чего это вдруг Федор стал неуспевающим по музыке? О предмете сольфеджио я тоже до сего момента ничего не слышал. До нас доходило шушуканье из кухни. По старому обыкновению я решил наострить уши и незаметно для себя оказался у приоткрытой двери кухни. Эльза Петровна что-то тараторила, безустанно

говорила, смеялась, а хозяйка лишь изредка поддакивала и предлагала еще чаю.

– Ничего, мы сможем преодолеть отставание в предмете, я сегодня дам ему задание, чтобы он немного подучил его.

– Спасибо за заботу, а то сами знаете – в какой мы ситуации.

– Это мой долг помогать ребенку.

Моим ушам было не привыкать выслушивать скрытую угодливость Эльзы Петровны.

– Ой, я сразу не предложила вам, хотите рюмку коньяку?

– Французского?

– Нет, армянского, но он тоже неплох.

– Давайте, – без раздумий, но с некоторой досадой согласилась Эльза Петровна.

Я ушел. Федор, завидев меня, поинтересовался:

– Что там?

– Пьют коньяк.

– Это надолго.

Прошел еще один час. Эльза Петровна до комнаты Федора так и не дошла.

– Слушай, сходи туда, узнай – что они там так долго? – обратился ко мне Федор.

Я пошел, но вновь остановился у порога кухни. Разговор шел уже веселей, но, как и в первый раз, больше говорила Эльза Петровна. Ее голос звучал пискляво и небрежно. Через какое-то время настала тишина.

– Слушайте, миленькая моя, – проямлила Эльза Петровна, – я даже не знаю, как вам сказать... – Опять настала тишина. – Ну, я пришла к вам из-за большой проблемы...

– Федор что-то натворил? – взволновалась хозяйка.

– Нет. Дело... – Настала пауза. – Дело в том... я обращаюсь к вам как к подруге!

Опять пауза.

– Да, конечно...

– Милочка, у меня большие проблемы, и я хотела обратиться к вам за помощью...

Пауза.

– Даже не знаю, как...

– Нет, говорите, если что-то в моих силах – я готова помочь.

– Милочка, мне нужны деньги, – выпалила Эльза Петровна.

Обе сидевшие за столом дамы разом выдохнули.

– Сколько нужно?

– Совсем ничего, три тысячи.

– Совсем ничего, – язвительным тоном выговорила мать Федора.

– Я отдам, сразу отдам! – затараторила Эльза Петровна.

Хозяйка встала с места, я отскочил от двери, но тревога оказалось ложной.

– Вот вам полторы тысячи, можете их не отдавать.

– Нет, что вы, я обязательно отдам.

За дверью что-то зашуршало, я опять отскочил и вернулся к Федору. Мы услышали, как две женщины сухо попросились, хлопнула дверь. Затем тетя Лена зашла к нам.

– Ну, где твоя училка, когда она будет мучить меня? – недовольным голосом выдал из себя Федор.

Мать подошла к нему, погладила по голове, обняла за шею.

– Ну что, сорванцы, наигрались?

Федор угрюмо посмотрел на мать, а я покачал головой в стороны.

– Она больше не придет, все нормально, – прошептала она нам.

Глава шестнадцатая

Федор стал первоиспытателем многих технических новшеств. Он не только первым в классе научился скачивать пиратские копии игр, программы из Интернета, он также первым пришел в школу с сотовым телефоном. Эта была трубка немецкой компании Сименс с монохромным дисплеем. Но для того времени это был солидный аппарат. На перемене все мальчишки нашего класса, столпившись вокруг Федора, бережно передавали трубку из рук в руки, словно последний на Земле том Библии. Некоторым он даже разрешил позвонить на домашние номера, все охали и ахали, слыша голос родных в телефоне.

Федор не отключал телефон во время уроков, учителя, не скрывая восхищения, поначалу искренне удивлялись технической новинке, даже просили у него разрешения взглянуть на него. Это сейчас мобильным телефоном никого не удивишь, а тогда им, как и Интернетом в доме, могли обладать только обеспеченные люди. Каковым и являлся дядя Гена – это он сделал очередной подарок Федору и его маме, вручив каждому по телефону.

Им он и в самом деле был необходим. Федор нередко допоздна засиживался на крыльце школы в полном одиночестве, в ожидании приезда матери. А она не всегда приезжала вовремя. Однажды он основательно промок и силь-

но заболел. Стояла осень, он попросил старшеклассников, стоявших на крыльце, спустить его на асфальт. Они удовлетворили его просьбу. От томительного безделья он проехался несколько раз вокруг школы. Но тут пошел дождь, и на крыльце, как назло, никого не оказалось. Он сидел под дождем и безостановочно проклинал свою мать. Когда она приехала, на школьный двор уже опустилась темень. Мама извинилась, объяснив своему сыну, что ее задержали на работе, чему Федор не поверил.

Теперь он мог скоординировать свое время, сделав предварительный звонок маме. Имея огромную практическую пользу, одновременно телефон являлся элементом позерства. Поочередно во время перемены мы брали у Федора телефон, выходили в коридор и, состроив на лице важную гримасу, во всеуслышание делали вид, что с кем-то разговариваем. В реальности возможности звонить у нас не было – минуты разговора тогда стоили немалых денег. Зато мы на время стали самыми уважаемыми ребятами в школе.

Наш пыл остудил один неприятный инцидент. В параллельном классе учился парень по имени Коля, кто-то называл его Колянком, но большинство ребят окликали Колом. Это подходило ему больше, – учился он не ахти, но главной исходящей от него проблемой был его задиристый характер. Задирали всех и вся, даже мог ударить и повалить на пол девчонку, ограничений он не делал. Его манеры часто становились предметом обсуждения на различных педагогиче-

ческих совещаниях, но дальше выговора и очередного вызова в школу матери ничего не шло. Отца у него не было. Зато в школе учился его старший брат, он был старше нас на два года, и Кол часто прикрывался им, когда его пытались призвать к ответу за очередную дурацкую выходку.

Очередной жертвой Кола и его возрастных дружков стали я и Федор. Окончились уроки, в ожидании тети Лены я выкатил Федора на крыльцо. Вдруг из школьной двери вальяжным ходом вышла целая шайка местных хулиганов. Кол был с ними. Они стояли в углу и осторожно, оглядываясь по сторонам, поочередно затягивались сигаретой. Мы старались не смотреть на них, делая вид, что не видим и не замечаем никого в округе. Прочитав на наших лицах волнение, Кол подошел к нам, размахивая в руке сигаретой.

– Слышь, как тебя там, – обратился он к Федору, – у тебя же телефон есть, дай зазырить.

Федор посмотрел на меня, он ждал моего одобрения, но я промолчал.

– Не бойся, я только посмотрю да вон, – он кивнул в сторону своих дружков, – пацанам покажу.

Федор достал телефон из кармана куртки и протянул его Колу. У того аж руки затряслись, отчего телефон чуть не выскользнул.

– Осторожно! – крикнул Федор.

– Не п...и, он уже мой! – Кол неприятно ощерился.

Крутя в руке аппарат, он, чуть подтанцовывая и мотая го-

ловой, вернулся к своим друзьям. Подойдя к брату, он первым делом похвастался незаконным приобретением.

– Крутой! Где схавал?

Кол кивнул в нашу сторону.

– У инвалида? Ты сбрендил?

Но тому было все равно, он играл кнопками и пытался кому-то позвонить.

Федор отдал мне портфель:

– На, держи! – Федор подъехал к своре, которая завороченно рассматривала телефон.

– Отдай! – обратился он к брату Кола, который держал в руке мобильный телефон.

– Ты на кого наехал, щегол?! – закричал брат Кола. Федор, намеренно или нет, действительно подножкой коляски наехал на него.

Он ударил Федора ногой по колену, удар получился сильным, я зажмурился и даже не мог представить, как мой друг смог выдержать столь неприятный удар. Коляска покачнулась, немного отъехала назад, но Федор не сдавался.

– Отдайте телефон, а то хуже будет! – процедил Федор.

– Хуже, ха-ха! – Кол засмеялся. – Ну и что ты мне сделаешь своими дохлыми культяпками... – Он снял с Федора вязаную шапку и бросил за парашют крыльца на асфальт. Я побежал за ней. Во мне все билось, я дрожал, а когда поднимался назад по лестнице, то ноги шли неохотно. До боли знакомое чувство. Я готов был орать, звать на помощь, вер-

нутья за дверь школы, чтоб привлечь внимание учителей, побежать домой за родителями...

Но, пересилив себя, вернулся и протянул шапку Федору. Несмотря на нездоровый и уничижительный смех всей шайки над его беспомощностью, Федор не сдавался, пытаясь заехать коляской по ногам наших недоброжелателей. А если что-то у него получалось, те в ответ пинали его. Я не мог это вынести – заорал и замахнулся ранцем на брата Кола.

– Уроды, отстаньте от него!

– А это еще кто? – брат Кола немного отпрянул от меня, а когда мой портфель пролетел мимо его головы, пнул меня в живот. Я загнулся, стал задыхаться, упал на бетонное крыльцо. Последнее, что я увидел, как Кол берет за шиворот Федора и следом бросает на меня. В ушах загудело... Остальное я помнил смутно.

Федора подняли какие-то взрослые люди, меня тоже привели в чувство. Телефон тоже нашелся, он лежал на крыльце, а самих зачинщиков конфликта уже не было. Они исчезли. Затем подъехала мать Федора, отвезла нас домой. Федор молчал, он ничего не рассказывал ей, на все вопросы отвечал одно и то же: «Не помню». Она обратилась ко мне. Я тоже пролепетал ей что-то невнятное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.